

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА.

ПОХОДЪ.

(Статья вторая).

Посуше стало въ степяхъ; согнало снѣгъ; изрѣдка еще виднѣлся онъ въ балкахъ; земля обнажилась, и понеслась по широкому простору перекасти-поле трава. Куда непоглядишь, вездѣ желтовато-грязнаго цвѣта волнообразная мѣстность, усѣянная колючкою отъ прошлогоднихъ посѣвовъ и завядшей травы.

Поспокойнѣе шли эскадроны, направляясь къ Елисаветграду, вспоминая про недавнія переправы.

Посреди необозримыхъ степей, непріютно помѣстился Елисаветградъ. Не торговая дѣятельность, дорожа мѣстными удобствами, построила его; не образовался онъ изъ мѣстечка, богатаго сельскими произведеніями, — нѣтъ, во всѣ стороны отъ Елисаветграда раскинулись военныя поселенія и это одинъ изъ пунктовъ военнаго управленія ими. Елисаветградъ, окруженный необозримыми полями, на которыхъ могла бы учиться хоть Ксерксова армія, имѣетъ видъ совершенно военнаго города. Какъ-то однообразно, форменно смотритъ Елисаветградъ. На улицѣ мало гражданскаго люда. Куда не посмотришь, вездѣ бѣлая фуражка, повсюду брячатъ шпоры или стучитъ палаши. Кажется, что и простыхъ ребятишекъ нѣтъ, а все маленькіе кирасиры, ула-

ны или гусары. Толкуютъ про подковы, про овесъ, сѣно, корды и т. п. Даже бабы между собою говорятъ постоянно: «какъ у насъ въ эскадронѣ.»

Часу въ 12-мъ утра, эскадроны съ разныхъ сторонъ тянулись къ городу и остановились на огромномъ пустырьѣ, около самыхъ городскихъ построекъ. Уже болѣе недѣли, какъ многіе эскадроны шли особнякомъ; здѣсь они всѣ соединились вмѣстѣ. Офицеры, сойдя съ лошадей, образовавъ большую толпу, сообщали другъ другу свои похождения. Оказалось, что новости были одного и того же содержания: все снѣговая вода, грязь, дурныя квартиры, недостатокъ обѣда, у много вещи пропадали нѣсколько дней, у того цѣлую недѣлю, однимъ словомъ все одно и то же. Общество постоянно обращало свои взоры на городъ и ждало, когда-то придется войти въ него отдохнуть, а можетъ и насладиться обѣдомъ на счетъ радушнаго общества.

Между тѣмъ, стали уравнивать число офицеровъ въ эскадронахъ и поручика Сухопараго перемѣстили изъ десятаго эскадрона въ седьмой. Поморщился Сухопарый, что надо было разстаться съ своимъ добрымъ пріятелемъ, Лиленштерномъ, но дѣлать было нечего, онъ пошелъ въ седьмой эскадронъ знакомиться съ новыми товарищами.

— А! густымъ басомъ заговорилъ командиръ 7-го эскадрона, когда подошелъ къ нему Сухопарый. — Очень радъ, очень радъ! будемъ жить въ мирѣ и тишинѣ, заключилъ онъ, протягивая ему огромную жесткую руку. Вотъ мы до сихъ поръ жили только вдвоемъ съ Фодоромъ Карлычемъ Торстенсономъ. Человѣкъ хорошій, да на слова скуповать; ну, оно-тово, компанія то и не веселая. Очень радъ! Очень радъ!

Командиръ 7-го эскадрона, Егоръ Филиновичъ Дулинъ извѣстенъ былъ подъ именемъ бурбона. Это былъ человѣкъ лѣтъ поды пятьдесятъ, высокаго роста, костистый и сухой, съ огромными и нѣсколько неуклюжими членами. Лицо у него было неправильное и покрытое волосами, въ видѣ огромныхъ усовъ и бакенбардъ, изъ которыхъ торчалъ длинный утиный носъ. Какъ лицо, такъ и мохнатый уборъ Егора Филиныча, были какого-то сѣроватаго цвѣта. Говорилъ онъ густымъ, гнусавымъ голосомъ.

Познакомившись съ Дулинымъ, Сухопарый подошелъ къ Фодору Карлычу Торстенсону, поручику, служившему также въ 7-мъ эскадронѣ. Торстенсонъ былъ высокій, стройный молодець, съ большими свѣтлыми усами. Говорилъ онъ по-русски весьма

плохо. Федоръ Карлычъ и Сухопарый также пожали другъ другу руки и также изъявили, что очень рады другъ съ другомъ познакомиться.

— Къ конямъ, смирно! раздалась команда; офицеры заняли свои мѣста.

Приѣхалъ начальникъ. Эскадроны прошли мимо въ конномъ строѣ, прошли въ пѣшемъ строѣ, и потянулись въ городъ. На улицахъ стояли длинные столы съ булками, на которые солдаты очень умильно посматривали. Зрителей на вступленіе полка было мало. Всѣ гг. офицеры полка приглашены были на завтракъ, приготовленный представителями города.

Въ 2-хъ небольшихъ комнатахъ накрыто было нѣсколько столовъ съ разными соленьями, сырами, холодными закусками, водками и винами. Много было всего, но еще болѣе сладкихъ разговоровъ, которыми угощали офицеровъ хозяева.

Ни на одномъ изъ общественныхъ обѣдовъ не было столько распорядителей, сколько на Елисаветградской закускѣ. Больше всѣхъ суетился какой-то сухенькій человекъ въ черномъ, застегнутомъ до самаго подбородка, сюртукѣ, безъ всякихъ признаковъ бѣлья; на шеѣ былъ туго и густо намотанъ шелковый шарфъ. Господинъ въ шелковомъ шарфѣ вертѣлся около столовъ, раскланывался со всѣми входящими, и тиская имъ руки объявилъ, что онъ самъ генераль-маіоръ въ отставкѣ.

Комната наполнилась офицерами, которые, въ слѣдствіе настоятельнаго приглашенія, должны были явиться на завтракъ, не переодѣваясь, а прямо съ копя въ походной формѣ. Конечно, любезнымъ хозяевамъ должно было бы придти на умъ, что гостямъ будетъ слишкомъ тепло закусывать въ толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ, подъ которыми еще были поддѣты дубленые тулупы, но хозяева этого не замѣчали, а гости только кушали и вытирали потъ, струившійся по разкраснѣвшимъ физиономіямъ. Нельзя сказать, чтобы въ толпѣ, одѣтой въ толстое солдатское сукно, было много щегольства, но за то какое-то боевое изящество невольно поражало всякаго. Офицеръ съ потемнѣвшею лядункою чрезъ плечо, съ большой форменной саблей, въ шинелѣ, забрызганной грязью выше колѣнъ, глядѣлъ не паркетнымъ шаркуномъ, а человекомъ, которому хорошо знакомы всѣ удобства и наслажденія походной жизни. Приятно было смотрѣть на эти загорѣлыя, здоровыя физиономіи, которыя весело улыбались, принимаясь за закуску. Ни одного пасмурнаго, или хоть сколько

нибудь улылаго лица, — полная безпечность замѣтна была въ глазахъ каждаго.

— Какъ она, бишь, рѣка то эта, Михаилъ Семенычъ? спрашивалъ на походѣ Дулинъ у Сухопараго.

— Бугъ!

— Да, Бугъ; черезъ него то мы и переправляться должны?

— Да, чрезъ него.

Такъ лѣниво переговаривались офицеры на походѣ; за ними тянулся эскадронъ.

Погода была не то теплая, не то холодная, а какая-то сѣрая. Тучи свинцоваго, ровнаго цвѣта покрывали небо; свѣжій вѣтерокъ какъ будто хвастался, что ему такъ просторно въ степи, то стихалъ, то вдругъ налеталъ съ новыми силами. Степь, все таже степь: сѣрая, безмолвная, скучная....

— Вотъ они, поселенія-то!—сказалъ Егоръ Филипычъ Дулинъ, подходя къ большой деревнѣ.

— А посмотри-ко, Федоръ Карлычъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Торстенсону:—поселеніе-то словно стадо гусей! Вотъ этотъ домъ, что подальше, окружнаго видно, какъ гусакъ впереди, а насупротивъ, тожь видно офицерскій, а за ними то мелочь, махонькіе гусенята, давсе въ подрядъ! Экъ ихъ вытянуло!

— Эскадронъ, слѣзай! скомандовалъ онъ, и эскадронъ втянулся въ селеніе.

Сравненіе Егора Филипыча Дулина было дѣйствительно чрезвычайно удачно: деревни военнаго поселенія, отстроеныя по плану, вытянутыя въ линейчку, состоящія изъ маленькихъ, бѣлыхъ крестьянскихъ хатъ и офицерскихъ домиковъ нѣскольکو по больше, похожи на стадо гусей, идущихъ на рѣку. Чисто, опрятно въ поселеніяхъ, каждый домикъ какъ другой, все однообразно, монотонно, какъ степь, окружающая ихъ. Все пригнано по мѣркѣ. Даже мебель въ офицерскихъ квартирахъ, состоящая изъ деревянныхъ, довольно топорно сдѣланныхъ столовъ и табуретовъ, имѣетъ какой-то госпитальный видъ. Бѣло снаружи домовъ, бѣло и внутри. Нигдѣ не пятнышка; всякій, кто только побывалъ въ поселеніяхъ, обыкновенно говорилъ: ну, ужь тамъ чистота, ужь вотъ какая чистота!... Но обыкновенно больше ничего не говорилъ, потому что, кромѣ чистоты, трудно что нибудь болѣе и примѣтить.

Монотонное однообразіе построекъ военныхъ поселеній отразилось и на селеніи ихъ: не хохлацкое спокойствіе видишь здѣсь, но какую-то апатію. Все еле-еле движется, еле говорить. Скудна жизнь въ поселеніяхъ, невыносимо тяжела для человѣка свѣжаго; но проходитъ годъ, два, постоянное *temento mori*, въ глазахъ, въ видѣ мебели и квартиръ госпитальной формы, постоянная бѣлизна стѣнъ, напоминающая о чистотѣ души, мало по малу поселяютъ въ человѣкѣ совершенное ко всему равнодушіе. Натянувъ носъ, онъ сидитъ, куритъ, ходитъ какъ маятникъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, или по улицѣ поселенія, обѣдаетъ, чаѣ пьетъ, мыслить и говорить, но все это дѣлается машинально, одинаково, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня. Строгая регулярность врывается невольно въ самый образъ жизни, сковываетъ мысль, деревянитъ душу. И привыкаетъ къ этому человѣкъ и какъ будто уже самому нехочется выйти изъ этого морального оупѣнія. Нѣкоторые называютъ офицеровъ, служившихъ долго въ поселенныхъ войскахъ, иноками.

Офицеры зашли въ одну изъ хатъ. Хата была чистая, бѣлая, съ плотно убитымъ землянымъ поломъ. На лѣво отъ входа большая выбѣленная печь занимала почти треть всей хаты. Передъ печкою вертѣлась женщина; по тусклымъ глазамъ и морщинамъ на лицѣ, проведеннымъ не годами, а невеселою жизнію, трудно было опредѣлить возрастъ женщины. Ребенокъ, лѣтъ 2-хъ или 3-хъ, сидѣлъ на выступѣ, около печи, и сосалъ себѣ палець. Баба низко поклонилась вошедшимъ офицерамъ.

— Вишь, сторона-то! сказалъ Дулинъ, указывая на печь:—и топать то здѣсь чѣмъ, соломой! Въ это время баба подожгла солону, и пламя, живо охвативъ ее, освѣтило красноватымъ блескомъ всю хату. Баба, сложивъ руки на животъ, стояла молча передъ печкою, глядя на огонь; ребенокъ по прежнему сидѣлъ и сосалъ палець. Тишина царствовала въ хатѣ.

—Слякоть, а не мѣсто! проворчалъ Дулинъ, подымаясь и выходя изъ хаты. Черезъ минуту онъ вошелъ опять съ небольшою фляжкой въ одной рукѣ и съ стаканчикомъ въ другой.

Наливъ, онъ выпилъ и вытирацилъ глаза.

— Будь здоровъ пивши! вдругъ сказала баба, обернувшись къ нему и низко кланяясь.

— А! народъ-то здѣсь, тожь вѣжливость соблюдаетъ! съ изумленіемъ, растопыря руки съ фляжкой и съ стаканчикомъ,

сказалъ Дулинъ. А ну-ка, голубушка, хлопни-ко и ты, добавилъ онъ, наливая и поднося бабѣ стаканчикъ.

Та улыбнулась; живѣйшая благодарность выразилась на ея морщинистой, тоскливой физиономіи; женщина приняла стаканъ, поклонившись чуть не до земли. Выпивъ съ три четверти, она отдала остальное ребенку, который жадно схватился за стаканъ обѣими руками.

— Что ты, съумашедшая? съ удивленіемъ сказалъ Сухопарый. Какъ можно давать столько водки ребенку.

— Ничего, паночекъ, винъ пить водку! равнодушно отвѣтила баба, складывая по прежнему руки на животъ и смотря на мальчика, который, припавъ къ стакану и придерживая его обѣими ручонками, жадно сосалъ вино. Черезъ минуту онъ почти опрокинулъ стаканъ вверхъ дномъ, выпивъ все до капли. Офицеры съ изумленіемъ смотрѣли на дитя, которое потянулось, прося еще; глазенки искрились и онъ уже качался въ стороны: ребенокъ былъ пьянъ. Скоро онъ опрокинулся на спину и заболталъ въ воздухѣ ногами; баба приподняла его, качнула раза два и уложила въ уголъ около печи на тулупъ. Ребенокъ тотчасъ же заснулъ, а баба стала подбрасывать солому въ печь, которая почти что потухла въ это время.

Самъ Егоръ Филиппычъ Дулинъ, и тотъ съ изумленіемъ качалъ головой: «ну ужъ оно, тово, такой мелочи-то, водки давать не слѣдъ! Слышь, баба, это не хорошо!»—Но баба безмолствовала и только смотрѣла на огонь.

— Ваше высокоблагородіе! сказалъ вахмистръ, входя въ хату:—на переправу просятъ!

Надѣвъ каски, офицеры вышли изъ избы, сопровождаемые низкими поклонами бабы.

На берегу, не вдалекѣ отъ дороги, которая, изгибаясь, круто спускалась съ высокаго берега къ пристани, стоялъ эскадронъ. Бугъ, поднявшись отъ весенней воды, сердито мчался глубоко внизу, подъ самыми ногами. Берега, совершенно отвѣсными обрывами, не позволяли разлиться пошире быстрой рѣкѣ; гранитныя скалы, сѣраго, безжизненнаго цвѣта торчали то тамъ, то сямъ изъ земли; одна громадная, похожая на коня безъ головы, смотрѣла изъ воды. Рѣчныя струи, плескаясь о камень, урча, летѣли мимо, обмывая его бока. Небольшой паромъ виднѣлся у пристани. Нѣсколько человѣкъ изъ поселянъ, въ старенькихъ тулупахъ и широкихъ чумацкихъ шараварахъ, стояли, гля-

ля на несущуюся воду. Канатъ, перекинутый чрезъ рѣку, однообразно гудѣлъ отъ силы теченія, небо по прежнему было свинцовое. Вода сѣрая, берега сѣрые, скалы сѣрые,—все сѣро, дико мрачно и невесело.

— Чтожь не переправляются? спросилъ Дулинъ, подходя къ эскадрону.

— Еще офицеръ изъ поселенія не пришелъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ вахмистръ.

Дулинъ уже готовъ былъ громко выразить свое негодованіе, какъ къ нему подошли двое офицеровъ, принадлежащихъ къ управленію поселеніями.

Одинъ изъ нихъ по меньше, съ хорьковой фізіономіей и остренькимъ, какъ шило, носикомъ, сказалъ, обращаясь къ Дулину: Это вашъ эскадронъ, капитанъ, будетъ переправляться?

— Да мой! важно отвѣчалъ Дулинъ, граціозно прикладывая огромную руку къ каскѣ.

— Отличный эскадронъ! я мало видѣлъ такихъ, что за лошади, люди, въ какомъ все порядкѣ... Дулинъ растаялъ отъ удовольствія.

— Такъ начнемъ! сказалъ онъ.

— Начнемъ!

— А сколько здѣсь на паромъ лошадей ставятъ?

— Двадцать; крайнее двадцать-пять.

— А паромъ крѣпокъ?

— Ничего.

— Вахмистръ! крикнулъ Дулинъ: — веди къ переправѣ, да ставь, продолжалъ онъ, не много помолчавъ и смотря въ землю: — по тридцати лошадей!

— Много будетъ, капитанъ, живо заговорилъ поселенный офицеръ.

— Выдержитъ! глубокомысленно замѣтилъ Дулинъ.

— А если не выдержитъ? отвѣтъственность...

— Ну, а не выдержитъ, на то воля Божія, набожно и возводя очи къ небу, сказалъ Дулинъ и прибавилъ: веди, вахмистръ, и ставь какъ сказано!

Гуськомъ потянулись солдаты, вѣдя лошадей подъ уздцы. Кони, озираясь и натопорщивъ уши, осторожно вступали на па-

ромъ; многія, услышавъ глухой стукъ подъ копытами, пятнулись назадъ, ихъ ставили головами къ водѣ. Каждый всадникъ держалъ своего коня.

— Ого-го-го-го! закричали однообразнымъ увывымъ голосомъ мужики, перебирая руками канатъ. Паромъ медленно двинулся. Нѣкоторыя лошади зафыркали и стали пятиться.

— Выдержите! равнодушно сказалъ Дулинъ и усѣлся въ ямѣ на самомъ краю берега; около него расположились офицеры военныхъ поселеній, Сухопарый и Торстенсонъ.

— Вотъ нашъ полкъ, такъ давно ужъ переправился, началъ разговоръ офицеръ съ хорьковой физиономіей.

— А какъ вашъ полкъ прозывается!

— Ирбитскій гусарскій. Я тоже служилъ въ этомъ полку. жена, дѣти... Но вообще семейная жизнь требуетъ удобства и постоянного мѣста, потому я въ фронтъ и вышелъ. Но, знаете, воодушевляясь продолжалъ офицеръ:—здѣсь вотъ, здѣсь!.. показывая себѣ на грудь сказалъ онъ:—иной разъ, такъ шемить, что думаешь: брошу и жену и дѣтей и пойду, куда требуетъ честь!..

Патетическія слова поселеннаго офицера, какъ-то не трогали слушателей.

— Ну, а женатыхъ въ Ирбитскомъ полку нѣтъ? хладнокровно спросилъ Дулинъ. Все тамъ холостежь?

— Нѣтъ, есть и женатые, но, знаете, уженя жена такая робкая, оставить одну рѣшительно нельзя.

— А! глубокомысленно качая головою, промолвилъ Дулинъ.

— Притомъ вѣдь кому нибудь нужно и здѣсь остаться приглядѣть за порядкомъ. Народъ здѣсь, знаете, ахъ какой народъ! Только мѣры, вообще энергія могутъ держать ихъ въ повиновеніи. Здѣсь, знаете, бѣглецовъ много, и все народъ необыкновенно фальшивый. Вы думаете, что у васъ столько то крестьянъ, а смотрите завтра у васъ ихъ гораздо меньше. А у многихъ помѣщиковъ, по ревизскимъ сказкамъ столько то, а на дѣлѣ втрое больше.

— Что же за этими безпорядками не смотреть?

— Да какъ усмотришь, коли это ужъ, Богъ знаетъ съ котораго времени стало дѣлаться. Вотъ и теперь погнали многихъ, у кого видовъ нѣтъ, въ Одессу на работы. Да вы думаете, что они тамъ долго останутся? Пока будутъ смотрѣть такъ, а потомъ разбѣгутся, непременно разбѣгутся!

Ну, а изъ поселеній не бѣгаютъ?

— Бываетъ, но меньше. Здѣсь, знаете, не дають людямъ вольнодумничать: сейчасъ или березовой каши пропинешь, или заставишь съѣздить съ сѣномъ да соломой версть за пятьдесятъ, и больше, ну дурь то въ голову и не лѣзетъ, и вообще отъ этого они у насъ по покойнѣе. А у частныхъ людей... тутъ поселенымъ и рукой махнулъ. А впрочемъ, особенно здѣсь, въ этихъ краяхъ, къ Диѣстру, очень мало богатыхъ помѣщиковъ, а больше все мелочь. И кто онъ такой? Русской ли, Полякъ ли, Грекъ ли, Татаринъ ли? Господь его вѣдаетъ, а вдругъ появился, двѣ, три хатки кругомъ, и помѣщикъ! ужъ какъ онъ тутъ пробавляется, Богъ его знаетъ! Ну, какъ отъ такого не бѣгать? онъ на это и не смотритъ! Сегодня убѣжить отъ него одинъ, а завтра прибѣгутъ пять, онъ и не въ убыткѣ и молчитъ! А тамъ и Бессарабія не далеко, да и Молдавія, смотришь и туда стрѣчка дають, да цѣлыми семьями. Вообще, знаете, здѣсь, по моему мнѣнію, нужна строгость и строгость...

— Ну, конечно, оно, тово, безъ строгости то ничего не будетъ! глубокомысленно замѣтилъ Дулинъ.

Словоохотливый офицеръ разсказалъ еще нѣсколько назидательныхъ анекдотовъ о томъ порядкѣ, какой царствуетъ въ поселеніяхъ и заключилъ правоученіемъ, « что, знаете ли, собственно говоря, для себя, нужна прежде всего ловкость и смѣтливость: умѣй товаръ лицомъ показать, чтобы все чисто было, а поля около дорогъ были хороши, ну и самому будетъ хорошо, и вообще, это хозяйство не то, что частное; а главное, надо, чтобы въ носъ бросалось!»

— Ну, а вамъ, капитанъ, вдругъ перемѣняя разговоръ, сказалъ онъ:—еще порядочный путь? версть по больше двадцати-пяти,—вѣдь вамъ въ Чертонлыкъ?

— Да!

— Здѣсь, вотъ, есть мужикъ, изъ сосѣдней деревни, онъ васъ и проводитъ!

— Однако, послѣднихъ ведутъ, сказалъ Дулинъ, подымаясь съ мѣста:—и намъ пора! Распрощавшись съ словоохотливымъ офицеромъ, онъ отправился въ сопровожденіи Торстенсона и хопараго на паромъ.

— Рѣчисть, а должно быть выжига? мыслилъ въ слухъ Дулинъ. Вишь, главное дѣло—ловкость; знаю твою ловкость! жена

тоже, вишь, у тебя робкая! оттого и въ строй нейдешь.... За то чисто, куда чисто!

Паромъ коснулся земли и Дулинъ, поднявшись на высокій берегъ, смотрѣлъ какъ карабкались на берегъ послѣднія лошади. Переправа окончилась, эскадронъ выстроился, а около капитана образовалась цѣлая толпа разнаго народа, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ: на иномъ былъ длинный тулупъ, на другомъ короткій, на третьемъ виднѣлась старая гусарская куртка, или бѣлый кирасирскій колетъ. Вообще разнообразія было много.

— А что, кто знаетъ здѣсь дорогу въ Чертонлыкъ? сказалъ Дулинъ, обращаясь къ толпѣ.

— Я, пане! сказалъ средняго роста мужичокъ, выступая изъ толпы, которая сняла шапки.

— Такъ ты и проводникъ?

— А кто жь я?

Мужичокъ какъ-то смѣло глядѣлъ въ глаза Дулину. Его небольшая рябоватая физиономія, съ небольшою, рѣдкою, черной бородой, рѣзко выдавалась между апатичными лицами военныхъ поселенцевъ. Черные, маленькіе, глубоко впалые глаза смотрѣли далеко не такъ безсмысленно, какъ у прочихъ.

— Ну, пошелъ впередъ! сказалъ Дулинъ! Садись! скомандовалъ онъ.

Эскадронъ двинулся, передъ нимъ, быстро шагая, шелъ проводникъ.

— А что, проводникъ! слышь ты, проводникъ! далеко намъ еще? спрашивалъ Дулинъ.

— А не скажу, пане, бо не знаю, хладнокровно отвѣчалъ тотъ и посмотрѣлъ съ боку на капитана.

— Да ты самъ развѣ здѣсь недавно?

— Ни пане!

— Да ты кто жь, вѣрно, тово? важно спросилъ Дулинъ.

— Да, пане, я бѣглый, равнодушно, но смѣло сказалъ проводникъ, закуривая на походѣ коротенькую дюльку.

— Какъ, оно, тово, бѣглый? съ изумленіемъ и почти невѣря своимъ ушамъ сказалъ Дулинъ.

Проводникъ взглянулъ на капитана, легкая улыбка растянула его ротъ, онъ весело моргнулъ черными глазками и пустил клубъ дыму.

— Вотъ она, сторонка то! подымая брови и обращаясь къ Торстенсону, сказалъ Дулинъ. Вѣдь и не боится!

— Да ты самъ откуда? спросилъ онъ опять проводника.

— Изъ пидъ Пилтавы!

— Такъ ты оттуда и ушелъ?—Проводникъ кивнулъ головою.

— Да зачѣмъ же ты убѣжалъ?

— Да панъ бувъ негодный! равнодушно и съ прежнею откровенностію сказалъ проводникъ. Я забравъ женку, дитокъ и утекъ!

Дулинъ на это рѣшительно ничего не могъ найтись и только многозначительно поглядѣлъ на Торстенсона, показывая своимъ огромнымъ пальцемъ на проводника, который шелъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, по временамъ искоса поглядывая на офицеровъ; онъ какъ будто посмѣивался надъ ихъ изумленіемъ.

— Ну, а если тебѣ и здѣсь не по праву придется? спросилъ его опять Дулинъ.

— Вновь утку! прежнимъ рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ проводникъ.

— Чудная сторона! понуривъ голову и какъ бы про себя, сказалъ Дулинъ.

Долго шелъ эскадронъ. Егоръ Филипычъ вѣхалъ молча. Сухопарый и Торстенсонъ о чемъ то думали: не можетъ же ничего не думать человѣкъ. Проводникъ, покуривая трубку, бодро шелъ впереди. День уже склонялся къ вечеру; легкій снѣжокъ сталъ виться въ воздухѣ. Дороги почти не было примѣтно; но проводникъ смѣлою поступью подвигался впередъ.

— Эка пустырь! приподнявъ вдругъ голову, сказалъ Егоръ Филипычъ. Да вотъ уже и темно дѣлается! а далеко еще намъ, проводникъ, а проводникъ? Но отвѣта не было.

— Ваше высокоблагородіе! доложилъ подѣхавшій сзади вахмистръ: проводникъ убѣжалъ!

— Какъ убѣжалъ? тараща глаза отъ изумленія, спросилъ Егоръ Филипычъ.

— Убѣжалъ!

— А ты чего смотрѣлъ? А? Ты чего смотрѣлъ? Егоръ Филипычъ близко подо двинулся къ вахмистру, готовый вскипѣть благороднымъ гнѣвомъ.

— Да мы всѣ были впереди, Егоръ Филипычъ, сказалъ Сухопарый:—проводникъ—то у насъ же былъ подѣ глазами; мы же и проглядѣли его.

— Гм! замычалъ Егоръ Филипычъ:—точно мы проглядѣли! Легокъ на ногу, собачій сынъ! ну ужъ сторопка! Да какъ это онъ улизнулъ?

— Да стало ужъ довольно темно, можетъ и притаился за какииъ нибудь бугоркомъ, сыщи-ко его теперь!

— Да оно, тово, и искать то нечего! Пойдемъ прямо!

И эскадронъ двинулся впередъ, незная, куда онъ идетъ. Шли, шли, совсѣмъ стемнѣло.

— Кажись, деревня? сказала Сухопарый.

— Да, я и на плетень наѣзжалъ, отозвался Торстенсонъ.

— Не Чертонлыкъ ли это? сказалъ Дулинъ.

Дѣйствительно добрѣли, конечно невзначай, до какой-то деревушки, которая неприютно торчала въ степной впадинѣ. Бѣдныя развалившіяся избенки, съ окнами, въ видѣ какихъ-то дыръ, едва видѣлись въ вечерней темнотѣ. Въ деревушкѣ было мертво и пусто, только два собачьихъ голоса заливались безъ умолку на эскадронъ, который стоялъ у входа въ деревню. Снѣгъ сталъ гуще падать и бѣлою пеленою покрылъ солдатскія шинели.

— Никого-то не видно, сказала Егоръ Филипычъ. Надо кого нибудь вызвать. Ну, эскадронъ, кричи, шуми, пускай выбѣжитъ кто нибудь, а ты, вахмистръ, сейчасъ же его тащи, гдѣ тутъ съ ними возить, еще по избамъ бѣгать!

Эскадронъ вдругъ ожилъ: свистъ, крикъ, бряцанье оружія вдругъ раздались въ ночной темнотѣ. Собаки съ визгомъ убрались за плетень и оттуда вторили отчаяннымъ воемъ.

Испуганныя лошади фыркали и топались на мѣстѣ. Въ ближайшей хатѣ скрипнула дверь и показалась какая-то фигура, робко выглядывая.

— Не бойся! крикнулъ вахмистръ:—свои люди; какая деревня, Чертонлыкъ, что ли?

— Ни, пане, Захаревъ куть!

— А Чертонлыкъ гдѣ?

— Да вонъ тамо! показывая рукою, сказала фигура.

— А далеко?

— Версты двѣ буде!

— Беря его, шепнулъ Дулинъ вахмистру; тотъ живо схватилъ мужика, совершенно не ожидавшаго этого маневра, за воротникъ тулупа.

— А, нуко, ступай съ нами, покажи дорогу! сказалъ Дулинъ.

— Да ей же Богу, пане, ни знаю! вопилъ мужикъ.

— Врешь! въ двухъ верстахъ, да и не знаешь! Днемъ такъ и видно!

— Да я, пане, босый и шапки не маю! голосилъ жалобно мужикъ.

— Не далеко, дойдешь и такъ!

— Пустите его, Егоръ Филипычъ, шапку да сапоги надѣть, заговорили Торстенсонъ и Сухопарый.

— Пусть надѣнетъ. Боюсь, что улизнетъ и этотъ; оно, такъ сказать, на двухъ-то верстахъ не умеръ бы и безъ шапки. Дорога то здѣсь ровная, и морозъ-то не трескучий. Не зѣвай, вахмистръ!

— Да я, пане, болѣзненный! опускаясь на землю, началъ мужикъ.

— Ну, такъ на арканы взять! рѣшительно крикнулъ Дулинъ.

Вахмистръ сильною рукою держалъ мужика за тулупъ, склонившись съ лошади. Два унтеръ-офицера, живо спѣшившись, овладѣли проводникомъ, который, видя, что дѣлать нечего, покорился своей участи, и пошелъ безмолвно между унтеръ-офицерами, сѣвшими на коней. Еще нѣсколько фигуръ мелькнуло передъ хатами, но услышавъ въ чемъ дѣло, всѣ живо спрятались, и въ деревнѣ стало мертво по прежнему.

Опять потянулся эскадронъ въ ночной темнотѣ. Впереди между двумя солдатами шелъ проводникъ. Ни слова, ни жалобы не было слышно отъ него. Лошади едва поспѣвали за его скорою поступью.

— Вишь, выздоровѣлъ! сказалъ Егоръ Филипычъ. И ноги не болятъ! Э! да и плутъ же народъ здѣсь! Да вонъ и деревня! Это что за деревня?

— Чертонлыкъ, пане! отвѣчалъ проводникъ.

— Вонъ оно, да тутъ и версты то не было, а пусти-ко его, такъ и нагулялся бы въ степи. Долой арканы!

Арканы живо были сняты и въ ту же минуту мужикъ исчезъ.

— Ужъ народецъ! началъ опять резонировать Дулинъ. Строгость, строгость; оно, тово, безъ строгости-то здѣсь не сдѣлаешь ничего!

День за днемъ, переходъ за переходомъ, дошли наконецъ до Днѣстра. Вѣтеръ въ степи, пустота по обѣимъ сторонамъ до роги, балки и большія и малыя; деревушки все хуже да хуже. Давно уже миновали города, гдѣ привѣтствовали обѣдами; завтракъ въ Елисаветградѣ былъ заключеніемъ гостепріимства, встрѣчаемаго эскадрономъ въ пути. Бѣдна западная часть Херсонской губерніи. Убогія деревушки, изъ кое-какъ слѣпленныхъ мазанокъ, служатъ, какъ бы временнымъ пристанищемъ подвижному населенію. Бѣдные панки, съ постоянными жалобами на недостатки и бѣглецовъ, — и все одно и то же.

Въ субботу на Страстной недѣлѣ прибылъ эскадронъ въ мѣстечко Дубоссары, на лѣвой сторонѣ Днѣстра.

Топясь въ страшной грязи въ улицѣ мѣстечка, населеннаго Евреями и Молдаванами, эскадронъ разбрелся по квартирамъ.

Въ довольно большой хатѣ, на самомъ берегу Днѣстра, сидѣли Торстенсонъ и Сухопарый. Передъ ними на столѣ стояли два стакана чаю, которымъ и наслаждались офицеры послѣ похода. Стеариновая свѣча, въ небольшомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, освѣщала бѣлыя стѣны хаты и простой темный коверъ, который тянулся по нимъ, надъ длинными скамьями.

— Надо будетъ купить чего нибудь, чтобы встрѣтить праздникъ, прервавъ молчаніе, сказалъ Сухопарый.

— Да надо! отвѣчалъ Торстенсонъ.— Никифоръ! крикнулъ онъ. На зовъ вошелъ въ хату деньщикъ Торстенсона, человекъ лѣтъ 35-ти, остриженный въ кружокъ и съ самою невозмутимою физиономіею.

— Поди и купи чего нибудь для праздника, приказывалъ ему Торстенсонъ.

— Да чего же купить? вяло и брюзгливымъ голосомъ отвѣчалъ деньщикъ.

— Ну, что найдешь!

— Да ничего не найдешь!

— Понци!

— Да мѣстечко-то дрянъ, какъ есть дрянъ!

— Ступай! Деньщикъ вышелъ

Черезъ полчаса скрипнула дверь и въ хату опять вошелъ Никифоръ; на лицѣ у него было тоже безстрастное выраженіе:

— Ну, купилъ ли что? спросилъ Торстенсонъ.

— Да ничего не купишь!

— Какъ ничего? нахмуривъ брови, крикнулъ Торстенсонъ.

— Да такъ ничего, преравнодушно и совершенно прежнимъ тономъ отвѣчалъ деньщикъ. Ни у кого, кромѣ жидовъ, и купить-то нельзя, а у жидовъ шабашъ — суббота, хотѣлъ хотѣ бубликовъ купить, и тѣхъ нѣтъ!

— Да ты бы подороже далъ жидамъ, продали бы!

— Да нѣтъ, и дверей даже не открываютъ!

— Гм... замычалъ Торстенсонъ: — а у насъ что есть?

— Да и у насъ ничего нѣтъ!

— А у Егора Филипыча?

— И у капитана ничего. Да они и уѣхавши въ штабъ; и солдатская-то пасха завтра утромъ будетъ, не ранѣ; а теперь, окромя сухарей, ничего нѣтъ!

— Сухое разговѣнье! замѣтилъ Сухопарый.

Торстенсонъ, нетерпѣливо вскочивъ, сталъ живо шагать по хатѣ, потирая себѣ лобъ, что означало, что онъ чѣмъ нибудь не доволенъ.—Ну, вотъ, вотъ, останавливаясь передъ Сухопарымъ, началъ онъ. Куда мы заходили, и надо же какъ разъ на праздникъ, ужъ это я знаю, ужъ это я знаю, это мое несчастье: какъ, праздникъ! и только одни черные сухари! Ужъ это мое несчастье, ужъ я знаю, это всегда такъ! горячась, повторялъ Торстенсонъ, принимаясь опять ходить.

— Да вѣдь и мое такое же несчастье! отвѣчалъ Сухопарый: — первый разъ приходится не весело праздникъ встрѣчать! Ляжемъ-ко лучше спать, да часовъ въ двѣнадцать пойдемъ въ церковь, она какъ разъ за хатой, помолимся, а потомъ придемъ да опять чаю нацѣмся, ну и разговѣмся чѣмъ Богъ послалъ!

Торстенсонъ вздохнулъ и не отвѣчалъ ничего.

Ровно въ двѣнадцать часовъ, Торстенсонъ и Сухопарый пробирались, почти по колѣно въ грязи, между хатами, къ молдавской церкви, стоявшей за мѣстечкомъ. Черная густая игла бессарабской ночи окутывала всѣ предметы. Натыкаясь на плетни и подвигаясь шагъ за шагомъ, офицеры кое какъ добрались до церкви. Службы тамъ не было, по немѣннио священника, но церковь была отворена и совершенно пуста; только двѣ или три тоненькихъ свѣчки, изъ темнаго воска, теплились передъ иконами, и разливали блѣдный мерцающій свѣтъ на окружающіе предметы. Бѣдная плащеница стояла посреди церкви. Потемнѣвшей

живописи нельзя было разсмотрѣть въ полумракѣ. Все было бѣдно и черно. Благоговѣнно склонялись передъ плащеницею вошедшіе. На обоихъ одинаково подѣйствовала пустота храма Божія въ великій праздникъ. Какъ то торжественна показалась имъ обонимъ мертвая тишина въ эти минуты. Бѣдный алтарь съ потемнѣвшей позолотой, едва освѣщенный мерцающими свѣчками, какъ бы выросъ мгновенно въ глазахъ Сухопараго и Торстенсона и величественно смотрѣлъ въ полумракѣ.

Приложившись къ плащеницѣ, офицеры молча пошли обратно.

Дома ихъ уже ждали чай и черные сухари. Молча началось сухое разговорье.

Далеки были въ эти минуты мысли у каждаго. Одинъ, душою сидѣлъ въ Петербургѣ, въ кругу своихъ, въ уютной, ярко освѣщенной комнатѣ, передъ большимъ столомъ. Чего-то нѣтъ на этомъ столѣ—в куличи и большіе и малые, и ветчина, и телятина, и сыръ, и яйца... нѣтъ роскоши, а всего вдоволь, и все такъ вкусно и красиво смотреть. За столомъ и старикъ отецъ, и сестра замужняя, и зять, и братъ старшій, и двоюродная сестра, и самъ онъ тутъ же...

У другаго передъ глазами только что не пиръ, за роскошно убраннымъ столомъ, въ домѣ богатаго великороссійскаго помѣщика. Здѣсь и мужчины, и дамы, и самъ онъ, принятый какъ свой человѣкъ. Все весело, говоритъ, смѣется... весело и ему, и онъ говоритъ, а мысли летятъ еще дальше, дальше, на сѣверъ, въ гористую Финляндію, въ небольшой домикъ на берегу моря, гдѣ живетъ старушка мать, ждетъ, бѣдная, и не дождется сына!..

А здѣсь для обоихъ — одна компанія: загорѣлая, невеселая, въ эту минуту, физиономія товарища; вмѣсто уютной, ярко освѣщенной комнаты въ отцовскомъ домѣ, или роскошно убранной гостинной богатаго помѣщика, — молдаванская хата, озаренная однимъ огаркомъ; на мѣсто стола, на которомъ всего вдоволь, всего много,—по стакану чаю съ черными сухарями! И милѣе и дороже кажется прошлое, и не хочетъ мысль оторваться отъ былаго!

Медленно пили чай офицеры, черные сухари хрустѣли на зубахъ, а мечты носились все еще Богъ знаетъ гдѣ. Совершенное молчаніе царствовало въ хатѣ. Вдругъ пламя охватило огарокъ, блеснуло съ особенною яркостію и затѣмъ свѣтильня, приставъ

къ боку подсвѣчника, затѣплилась едва видимымъ болѣзненнымъ, синимъ огонькомъ. Сухопарый и Торстенсонъ вздрогнули, мечты разсѣялись.

Была пора сна.

Скучно прошелъ первый день праздника на днѣвкѣ въ Дубосарахъ. Всѣ были довольны, когда снова тронулись впередъ. Переправились на паромѣ чрезъ Диѣстръ и пошли уже по Бессарабской землѣ. Дорога вскорѣ опять вышла къ Диѣстру, который въ этомъ мѣстѣ дѣлалъ изгибъ. Мѣстность уже была не та, что въ Херсонской губерніи: холмы становились чаще, больше и круче, степной характеръ исчезъ. Поднявшись на высокую пологую возвышенность, Дулинъ, Сухопарый и Торстенсонъ осмотрѣлись кругомъ. Далеко, взадъ и впередъ, видна была долина Диѣстра. Рѣка высоко поднялась въ берегахъ отъ весенней воды; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торчали изъ воды пирамидальные тополи, еще не одѣтые зеленью. Широкая, полная воды, извинаясь въ долину какъ змѣя, сверкала рѣка далеко въ обѣ стороны, и искрилась между полузатопленными тополями.

Сухопарый и Торстенсонъ приостановились, невольно любуясь красивою рѣкою. Одинъ Егоръ Филипычъ Дулинъ ѣхалъ съ обычнымъ равнодушіемъ, его нетрогали красоты природы.

— Здѣсь то, оно, тово, гористо; не то, что въ Херсонщинѣ, будто про-себя, говорилъ Егоръ Филипычъ.

Эскадронъ, то подымаясь на гору, то спускаясь, добрался до стоянки. Переправа чрезъ Диѣстръ заняла много времени, оттого поздно добрались до деревни. Въ темнотѣ по огонькамъ, которые зажглись на довольно большомъ пространствѣ, можно было судить, что селеніе велико. Говоръ людей, ржаніе и топотъ лошадей слышались во мракѣ.

— Славная хатка! сказалъ Сухопарый, входя съ Торстенсономъ въ молдаванскій домикъ, указанный квартирьеромъ.

Живо приготовились постели по скамьямъ; зажглась стеариновая свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ; появился чай на столѣ, и въ хаткѣ стало еще пріятнѣе и уютнѣе.

— Это что, шумъ въ деревнѣ? вдругъ сказалъ Торстенсонъ, прислушиваясь къ бѣготнѣ и крику людей на дворѣ.

— Пожаръ, ваше благородіе! крикнулъ вдругъ солдатъ, высунувъ голову изъ полурастворенныхъ дверей и въ ту же минуту исчезъ.

Сухопарый и Торстенсонъ, бросивъ чай, живо выскочили изъ хаты. Шагахъ въ двухъ-стахъ отъ нихъ, по другую сторону пологой балки, въ которой и находилось селеніе, яркимъ пламенемъ занялась соломенная крыша на одномъ изъ молдаванскихъ домиковъ.

Еще чернѣе казалась окружающая мгла отъ свѣтлыхъ языковъ пламени, которое, охвативъ крышу, бойко несло къ верху и трепетало въ воздухѣ. Черезъ мгновеніе, языки опали, остатки крыши провалились, и уже при ровномъ блескѣ красноватаго огня, который, казалось, основательно и не торопясь, принялся за окончательное разрушеніе дома, показались неровные края стѣнъ и обгорѣлыя палки, на которыхъ прежде держалась крыша. По временамъ огонь, пайдя удобогараемую вещь и какъ бы радуясь находкѣ, вылеталъ къ верху свѣтлымъ высокимъ языкомъ. Иногда такіе же языки, только по короче, выскакивали изъ оконъ и дверей. Около пожараща вертѣлось множество черныхъ фигуръ; нѣкоторыя изъ нихъ, при блескѣ пламени, живо ломали сосѣдніе плетни. Но скоро всѣ отошли въ сторону; издали можно было видѣть, что спасать уже нечего, а остается только смотрѣть, какъ огонь покончитъ дѣло.

— Ну, не зачѣмъ и идти туда, сказалъ Сухопарый: — хата сгоритъ до тла! вотъ ужъ и люди отошли прочь.

Дѣйствительно, перегорѣлый плетень, находящійся внутри мазанковыхъ стѣнъ, не могъ уже служить связью для глины, и скоро одна изъ стѣнъ, отдѣлившись отъ прочихъ огненною щелью, вдругъ рухнула въ сторону. Видно было, какъ осыпалась внутри печь, за нею послѣдовали и другія стѣны, къ которымъ она примыкала. Пламя, не находя себѣ болѣе пищи, исчезло почти вдругъ, вспыхивая по временамъ, какъ бы жалѣя, что такъ мало повеселилось на просторѣ. Кончился пожаръ, только виднѣлись еще небольшія кучи раскаленныхъ угольевъ, но и тѣ скоро стали темнѣть.

— Ты Король? прислушиваясь къ разговору двухъ солдатъ, спросилъ Сухопарый.

— Я, ваше благородіе!

— Ты былъ на пожарѣ?

— Былъ, ваше благородіе! Молдаванъ погорѣлъ!

— А отчего случилось?

— Да народъ то здѣсь, ваше благородіе, ужь и какой легко-
вѣрный. Вѣдь такъ понаружи и кланяется и радъ, а на умѣ-то
камень за пазухой держитъ.

Солдатъ какъ видно былъ философъ.

— Да пожаръ то былъ отчего?

— Да оттого и причина, ваше благородіе. Четвертый взводъ
разводнѣ стали. Вотъ и къ этому четырехъ лошадей повели.
Молдаванъ-то былъ хмѣленъ. Не пушу, кричить, солдата въ
да-казѣ, въ хату, по ихнему. А наши говорятъ: а пожалуй, не-
пушай, и сами войдемъ! А онъ за двери ухватился, да и кри-
чить. Михалюкъ его легонько отстранилъ, а онъ и упалъ, да какъ
звѣрь словно, ваше благородіе, вскочилъ, да въ хату, а тамъ
была солома для топки, да свѣчка — онъ и подпалилъ. Все и
занялось; такой чудной человѣкъ! Чуть и нашихъ-то лошадей
не спалилъ, не идутъ изъ огня!

— А у него все пропало?

— Лошаденку наши же вывели, а овцы, шесть штукъ, пого-
рѣли. А Молдаванъ самъ поджегъ, да и стоитъ, ротъ то рази-
нулъ, хмѣль то вишь проходилъ. А потомъ, какъ конецъ всему,
сталъ себѣ кулакомъ то въ голову бить да въ грудь, это, по их-
нему, горюетъ больно, значить. Бабы прибѣжали, и тѣ воютъ,
да себя въ голову бьютъ!

— Хорошо, ступай!

Солдаты пошли, повторяя другъ другу, что они оба видѣли:

— А Михалюкъ, знаешь, его отстранилъ; а онъ то и упалъ!

— Да Михалюкъ его толкнулъ!

— Да нѣтъ не толкнулъ, а такъ легонько за воротникъ от-
странилъ...

Скоро голоса затихли.

Сухопарый и Торстенсонъ пошли къ себѣ, толкуя о случив-
шемся....

Предъ Кишеневымъ собрались всѣ эскадроны для входа въ
городъ цѣлымъ полкомъ. На встрѣчу выѣхалъ квартиррьеръ, ба-
ронъ Штенгель. Офицеръ, посылаемый на походъ квартиррьер-
ромъ въ какой нибудь городъ, обязывается, цѣлымъ обществомъ,
собирать статистическія свѣдѣнія по нѣкоторымъ предметамъ.
Эти свѣдѣнія тотчасъ же и передаются обществу во всеуслы-

шаніе. Подобное же порученіе имѣлъ и нѣмецкій баронъ, на пунктуальность котораго можно было положиться.

— А! Штенгель идетъ! зашумѣли офицеры, увидя еще издали барона.

Баронъ шелъ нѣшкомъ, на лицѣ у него была веселая улыбка; видно было, что онъ въ духѣ и собою доволенъ.

— Ну что, баронъ? какъ вы все нашли? хороши ли квартиры, есть ли все? наперерывъ спрашивали офицеры.

— Есть, есть! тихимъ голосомъ и не много растагивая слова, отвѣчалъ баронъ:—квартиры хорошия. Обѣдать можно въ двухъ мѣстахъ: одинъ русскій трактиръ, тамъ по хуже, да по дешевле, другая гостинница нѣмецкая, противъ собора, барыня какая то содержитъ, тамъ подороже, да получше; есть и нумера. Есть и третье мѣсто, да подають гниль, впрочемъ, по гривеннику порція.

— А билліардъ есть?

— Есть, и у Нѣмки, и въ первомъ трактирѣ.

— А кондитерскія?

— У Нѣмки и кондитерская! Магазины на Золотой улицѣ и въ переулкахъ около нея.

— Ну, а Золотая улица хороша?

Баронъ не сдумалъ на это въ точности отвѣтить. Вообще, онъ могъ замѣтить, что есть и чего нѣтъ, но описать что нибудь, относящееся къ наружному виду, онъ былъ не въ состояніи, потому всѣ распросы, красивъ ли городъ, весело ли смотреть, оставались безъ удовлетворительнаго отвѣта.

— Ну, а извошки есть?

— Есть, и ѣздить, по большей части, парой, въ пролеткахъ. Одиночки, въ таратаечкахъ и безъ рессоръ, тѣ дешевле берутъ.

— А почему извошки?

— Полтвинникъ въ часъ, конецъ пятналтынный и гривенникъ!

— Купить можно все?

— Можно.

— Ну, а еще послѣдній пунктъ... Вы вѣдь сами этого любитель? этотъ вопросъ былъ произнесенъ необыкновенно сладкимъ голосомъ.

Баронъ, прищуривъ масляные глазки, приятно осклабился, подергивая стриженными усиками. Видно было, что вопросъ этотъ имъ разрѣшенъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ..

— И это есть!...

— Молодецъ, баронъ! Умница! случилось на него со всѣхъ сторонъ.

Баронъ стоялъ, прищуря глазки, и только пріятно улыбался, видно было, что эти похвалы ему по сердцу.

— Садись! скомандовали сзади, и общество побѣжало къ своимъ лошадямъ.

Дѣйствительно, все было найдено такъ, какъ сказалъ баронъ. Живо разбрелись офицеры по всему городу, побывали въ одномъ трактирѣ, побывали въ другомъ, покатались по городу на пролеткахъ, запряженныхъ парюю лошадей; пылъ по городу поднялась страшная. Вездѣ были видны солдатскія шинели съ голубыми петлицами на воротникахъ и золотыя каски. Главный притонъ былъ въ гостинницѣ и кондитерской вмѣстѣ, у Нѣмки, противъ собора. Дѣйствительно, здѣсь обѣдъ былъ получше, хотя и подороже. Многіе, пообѣдавъ какъ слѣдуетъ, обратили даже вниманіе на самую Нѣмку, сидѣвшую за выручкой въ первой комнатѣ, среди конфетъ, вареньевъ и различныхъ ликеровъ. Хотя въ Нѣмкѣ не было ровно ничего хорошаго, и ей, по малой мѣрѣ, было сорокъ-пять лѣтъ, но походный человекъ, особенно послѣ хорошаго обѣда, не разборчивъ, а потому около выручки образовалась почти цѣлая толпа, къ крайнему прискорбію какого-то господина съ усами, стоявшаго за выручкой, и какого-то нѣхотнаго юнкера съ палкой въ рукѣ, должно быть по случаю раны. Юнкеръ и усатый господинъ непріязненно поглядывали на офицеровъ и морщились отъ шутокъ, довольно откровенныхъ, сыпавшихся со всѣхъ сторонъ.

Вездѣ побывали офицеры, даже въ городскомъ саду, въ которомъ на мѣсто деревьевъ торчали какія-то метелки безъ листьевъ. Вообще, любознательности было много, заходили даже къ Жиду, на дверяхъ у котораго была надпись: Мендель Килійскій Шмуклеръ. Во всѣхъ лавкахъ торчало, по крайней мѣрѣ, по одному офицеру. Каждый старался поразшевелить деньги, лежавшія въ карманѣ, почти безъ употребленія, во время переходовъ. Оттого-то всякій и покупалъ все, что ни попадалось на глаза: и варенье, и сыръ, и пряники, и колбасы, и разные припасы для стола, и табакъ, и матеріи, и даже кованныя эполеты у Шмуклера, хотя здѣсь же говорили, что эполеты рѣшительно никуда не годятся. Каждый офицеръ, если шелъ пѣшкомъ, то непременно несъ что нибудь, или везъ въ дрожкахъ, если ѣхалъ. Обрадова-

лись Жиды—торговцы такой ярости покупателей платить деньги даже и за ненужные вещи: ломали за все въ три-дорога. Но походный человекъ не торгуется, сыплеть направо и налево, развѣ отпустить, подѣ часъ, крѣпкое слово на безсовѣстный запросъ, а заплатить все—таки заплатить. Закинулъ жизнь въ городѣ, даже пустой переулочъ, про который намекалъ баронъ, и тотъ оживился: постоянно неслись тамъ то взадъ, то впередъ пролетки, то съ однимъ, то съ двумя офицерами. День былъ ясный и даже жаркій. Бѣгать по городу было удобно. Всѣ были веселы, хотя и единогласно говорили, что Золотая улица вовсе не похожа на золотую, что въ нѣкоторыхъ кварталахъ, населенныхъ Жидами, такая гадость и вонь, что пройти нельзя, что хорошихъ магазиновъ нѣтъ, что театръ какой-то подвалъ, что изъ всего населенія только и есть порядочные люди, что одни Болгаре, да и тѣхъ, къ несчастію, весьма мало. Несмотря на все это, всѣ были чрезвычайно довольны. Надоѣло уже таскаться по степямъ, валаться по мужицкимъ избамъ, довольствоваться весьма часто солдатскимъ обѣдомъ; давно уже всѣ не были виѣстѣ. А здѣсь сколько удовольствій для походнаго человека: и сносный обѣдъ, и сласти, и вина какія хочешь, и сидишь на порядочномъ стулѣ, и на пролеткѣ проѣдешь, и подѣ ногами не земляной полъ, а деревянный; всего этого не понимаетъ городской житель, не испытавшій похода. Все покупается изъ сравненія, и посредственное сойдетъ за хорошее, рядомъ съ очень плохимъ.

Въ Кишеневѣ уже стали попадаться на глаза пѣхотные офицеры, у кого голова перевязана, у кого рука на повязкѣ, кто съ костылемъ, а иной и такъ себѣ, безъ постороннихъ украшеній, но съ лицомъ блѣднымъ, болѣзненнымъ. Это были прѣзжіе съ Дуная. Съ уваженіемъ встрѣчали ихъ и вступали съ ними въ разговоръ только что пришедшіе въ городъ. Распрашивали, что дѣлается тамъ, поближе къ непріятелю, какъ наши дерутся? Большинство рвалось какъ бы поскорѣе туда же.

— Поспѣете еще! краснорѣчиво улыбаясь, говорили пѣхотные офицеры, поправляя свои повязки, или постукивая костылемъ.

Долго еще вечеромъ, и даже ночью, сновали пролетки съ офицерами по плохо освѣщенному городу. Не хотѣлось еще спать походнымъ людямъ, надо было до дна испить чашу наслажденія. Конечно, не велика была эта чаша, но великъ былъ аппетитъ, отчего, испивъ ее до дна, всякій начиналъ снова, то есть, опять

бѣжалъ закусывать къ Нѣмкѣ, противъ собора, потомъ отправлялся по лавкамъ, пока онѣ были еще не заперты, напрягая умственные способности, чтобы еще чего нибудь купить, и наконецъ, объѣздивъ городъ, опять къ Нѣмкѣ, чего нибудь перекусить, и т. д.

Наконецъ, чуть не подъ самое утро, успокоились офицеры. Въ девять часовъ утра эскадроны направились по разнымъ дорогамъ. Впереди ѣхали офицеры съ заспанными глазами и усталыми лицами. Нѣкоторые, впрочемъ, еще остались въ городѣ и робко выглядывали изъ своихъ квартиръ, чтобы начальство не примѣтило. Оставшихся, впрочемъ, было немного, большинство же пошло съ полкомъ, нисколько даже не думая о Кишиневѣ, испытывавъ всѣ возможныя пріятности до послѣдней степени.

Не далеко отошелъ полкъ отъ Кишинева; на слѣдующемъ переходѣ получено было приказаніе остановиться и ждать дальнѣйшихъ повелѣній.

Повѣсили всѣ ностъ, услыхавъ про остановку. Всякій спѣшилъ по скорѣе туда, гдѣ смерть косила на право и на лѣво, откуда сотнями ѣхали: однорукіе, одноногіе страдальцы съ повязанными головами и блѣдными лицами. Всякій жалѣлъ ихъ отъ всей души, и все-таки каждому хотѣлось поскорѣе туда, гдѣ дерутся. Такова ужъ неугомонная натура человѣка. А тутъ: стой! — и всѣ неугомонныя природы остановились.

Скучны неожиданныя и продолжительныя остановки въ походное время. Дурно онѣ дѣйствуютъ на нравственные силы. Это тоже, что штиль во время плаванія для паруснаго судна. Куда какъ не хочется экипажу пребывать на одномъ мѣстѣ. Но паруса повисли, въ воздухѣ, какъ въ комнатѣ, и только зыбь, докладывающая, что гдѣ-то, все-таки дуетъ вѣтеръ, заставляетъ мѣрно качаться судно; скрипятъ однообразно снасти, а корабль все стоитъ да стоитъ. Такъ и здѣсь: приказъ, идти впередъ или назадъ, тотъ же вѣтеръ для паруснаго судна. Нѣтъ его — или скажутъ: стой! и пригвоздится все къ мѣсту, какъ корабль во время штиля. А тутъ слухи, что другіе идутъ, а тѣ и въ дѣлѣ были, только подразниваютъ заштильвшихъ. Скучно это время! Однообразно проходитъ день за днемъ. — Скука, какъ червь, точитъ человѣка, у нѣкоторыхъ начинаетъ появляться тоска по родинѣ.

Энтузіазмъ угасаетъ, голова тупѣетъ, черныя мысли полѣзутъ одна за другой; кисло какъ-то смотритъ человѣкъ на свѣтъ Божій!

Вотъ и городъ подъ бокомъ, въ которомъ такъ недавно и такъ приятно дневали, а теперь иной и завернетъ туда, наскучившись въ своемъ эскадронѣ досыта, но и въ городѣ ходить онъ повѣся носъ. Не веселятъ его: ни Золотая улица, ни Нѣмка противъ собора; побродитъ по улицамъ, пообѣдаетъ и опять въ эскадронъ на прежнюю скуку.

Сначала, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ приказанія двинуться впередъ, словно моряки перваго колебанія воздуха; но потомъ равнодушно подчиняются волѣ судьбы, даже и ждать перестаютъ.

Непріятно дѣйствуетъ на духъ, первая неожиданная остановка на походѣ. Да и понятно: всякій настроенъ идти впередъ. Онъ и привыкъ, чтобы каждый день все новое да новое, время летитъ какъ на почтовыхъ, скучать нѣкогда. А тутъ разжигается, кромѣ того, у каждаго боевой задоръ; новинка обольщаетъ человѣка. У многихъ честолюбіе расправляетъ свои крылья: чудится, что вотъ онъ пушку взялъ, ему и крестикъ навѣсили. Мало ли хорошаго можетъ встрѣтиться въ головѣ у человѣка здороваго, бодрого и идущаго въ драку форсированнымъ маршемъ. А остановка, какъ холодная вода для горячаго воображенія, всѣ мысли перевернетъ вверхъ дномъ.

Послѣдующія остановки уже не такъ тягостны, привыкаешь и къ нимъ, постоянно утѣшая себя, что всему есть конецъ.

Ко всему готовъ прицѣпиться во время продолжительнаго бездѣйствія, чтобъ найти какое нибудь развлеченіе. Долго еще борется человѣкъ съ гнетущею скукою, пока наконецъ опуститъ руки.

Сухопарый лежалъ въ хатѣ на постели и курилъ; Торстенсонъ ходилъ изъ угла въ уголъ, по обыкновенію крутя усы, выгорѣвшіе отъ солнца.

— Ѳедоръ Карлычъ! вдругъ сказалъ Сухопарый:—пойдемте въ цѣль стрѣлять!

— Изъ чего?

— Изъ пистолетовъ!

— Гм, не изъ нашихъ ли? У монахъ, тульскихъ, такой тугой спускъ, что я обыкновенно небо застрѣливаю. А ваши еще хуже!

— Да все равно куда нибудь попадемъ — хоть не въ цѣль!

— Ну, пойдете. — Надѣвъ на себя фуражки и взявъ пистолеты, офицеры отправились на стрѣльбу. Сухопарый, переступивъ порогъ хаты, вдругъ замѣтилъ въ углу чернаго кота, который, свернувшись въ кружокъ, спалъ преспокойно, грѣясь на солнышкѣ.

Сухопарый, обернулся къ Торстенсону, многозначительно поднявъ брови и указывая пистолетомъ на кота. Торстенсонъ съ разу понялъ въ чемъ дѣло, и оба, возвратясь въ хату, стали торопливо заряжать пистолеты холостыми зарядами. — Разговоръ производился шопотомъ. Поскорѣе, поскорѣе! коть уйдетъ! онъ кажется спитъ крѣпко! ахъ смотрите, Федоръ Карлычъ, чуть не съ отчаяніемъ говорилъ Сухопарый, показывая на окно: вонъ собака идетъ, разбудить кота!

— Ну, готово! пойдемъ!

— Съ пистолетомъ въ рукѣ, ступая какъ можно тише, Сухопарый, какъ тать, подкрадывался къ коту. Сзади двигался резервъ, съ сильно озабоченной физиономіей, въ лицѣ Федора Карлыча Торстенсона, съ двумя пистолетами въ рукахъ. А коть спитъ и не чувствуетъ, какая бѣда готова стрястись надъ его черною головою.

— Михайло Семенычъ! вдругъ крикнулъ вдали голосъ. Что это вы дѣлаете? Знаете кто пріѣхалъ сюда? цы.....

— Непритворное отчаяніе выразилось на лицѣ стрѣлка. Распрямивъ станъ и съ грознымъ выраженіемъ физиономіи, онъ обернулся къ кричавшему. Это былъ юнкеръ Апполонъ Дмитричъ Игнатьевъ. Игнатьевъ пустился къ Сухопарому бѣгомъ, махая руками, какъ вѣтряная мельница. Сухопарый въ свою очередь замахалъ ему руками, показывая жестаами, чтобы онъ молчалъ. Игнатьевъ подошелъ къ хатѣ и тотчасъ уразумѣлъ въ чемъ дѣло. И онъ также замеръ отъ ожиданія, обратившись весь въ зрѣніе. Сухопарый опять наклонился къ коту; Торстенсонъ съ другой стороны сдѣлалъ тоже самое. Игнатьевъ, схватившись за дверь, весь вытянулся впередъ. А коть все спитъ.... Сухопарый сдѣлалъ знакъ. Два выстрѣла, почти въ упоръ, раздались надъ головой бѣднаго кота. Бѣлый дымъ укуталъ его

сначала саваномъ, кусочки бумажныхъ пыжей попали ему на голову и спину. Какое-то странное удовольствіе выразилось на лицахъ офицеровъ и юнкера. Бѣдный котъ вскочилъ въ страшномъ испугѣ; выстрѣлы въ упоръ и дымъ его совершенно ошеломили, онъ сталъ кружиться, какъ помѣшанный. Стрѣлки съ необыкновеннымъ наслажденіемъ любовались, какъ вертѣлся котъ. Наконецъ, очухавшись, животное разомъ прыгнуло въ сторону и исчезло. Представленіе кончилось.

— Ну, Апполонъ Дмитричъ, что вы хотѣли сказать? обратился Сухопарый къ Игнатьеву.

— Да вы развѣ не знаете, что за хатами стоитъ цыганскій таборъ?

— О!

— Да! сѣйчасъ только пріѣхали, а ужъ и палатки разбили. Пойдемте ко поскорѣ!

— Пойдемъ, пойдемъ! Да зайдемъ къ Егору Филипычу, и его потащимъ съ собою!

Офицеры направились къ хатѣ эскадроннаго командира.

Егоръ Филипычъ Дулинъ прогуливался въ это время на чистомъ воздухѣ. Капитанъ былъ въ солдатской шинели и фуражкѣ. Руки были запрятаны въ карманы. Мохнатая физиономія Егора Филипыча была подернута меланхоліей. Онъ, разставляя ноги, еле-еле двигался, задумчиво наклонивъ голову и наконецъ остановился, смотря разсѣяннo на работу двухъ женщинъ, Молдаванокъ, трудившихся надъ смазкою новой хатки. Остовъ строения былъ искусно сплетенъ изъ сучьевъ, окна и двери аккуратно выдѣланы изъ тонкихъ брусочковъ. Женщины залѣпляли сучья мягкою глиною, и смазывали все смѣсью же глины съ ко ровымъ пометомъ. Работа живо подвигалась впередъ.

— Что это вы наблюдаете? спросилъ Дулина Сухопарый.

— Не наблюдаю, а смотрю просто, отвѣчалъ Дулинъ.—Какъ работа—то живо подвигается! Золотыя руки у бабъ! задумчиво прибавилъ Дулинъ. Видно было, что скука разобрала и капитана. — Вотъ она, женщина—то, опять началъ Дулинъ: гдѣ ее сущее назначеніе! вишь она, тово, и работаетъ и мужчинъ нѣту! а наши—то дамы что?

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Егоръ Филипычъ, сказалъ Сухопарый: — вѣдь это самое дамское дѣло—мѣшать глину съ княз-

комъ, и мазать потомъ стѣпы нѣжными руками, а мужчины чтобъ на боку лежали! Вотъ гдѣ истинное-то назначеніе женщины!

Егоръ Филипычъ обернулся къ нему, посмотрѣлъ на него изъ-подлобья и произнесъ: «ну, ужь ты, Михайло Семенычъ, и пошелъ! Вѣдь экой языкъ—то у тебя. Скажешь, а онъ изъ твоихъ же словъ и выведетъ такую несообразность!» Егоръ Филипычъ понурилъ голову и замолчалъ.

— А поди ко! какъ человѣкъ мудренъ, началъ онъ опять прежнимъ тономъ. Вѣдь ужь подлинно всякій злакъ на службу человѣка: изъ помета коровы палаты строить, даже печь лепить; а въ иныхъ—то мѣстахъ, онъ, тово, на этомъ—то, на кизякъ, и хлѣбъ печеть.

— Ну, да полно вамъ философствовать! сказалъ Сухопарый: — пойдете ко лучше Цыганъ смотрѣть!

— Какихъ Цыганъ?

— Да тѣхъ, что за деревней стоятъ!

— А неужто тамъ они есть? съ любопытствомъ спрашивалъ Егоръ Филипычъ, оставляя свою мечтательность. Пойдемъ, пойдѣмъ!

Въ котловинѣ за деревнею помѣстился цыганскій таборъ. Нѣсколько русскихъ телѣгъ и кибитокъ стояло тамъ и сямъ. Спутанныя лошади паслись по сторонамъ. Не вдаль отъ телегъ раскинулись цыганскія палатки. Три палки, въ видѣ конуса, составляли основу и только съ одного боку, отъ солнца и отчасти отъ вѣтра, висѣло на нихъ грубое грязное полотно. Цыганскія семейства располагались на чистомъ воздухѣ, довольствуясь и этою защитою отъ жара и непогоды. Старухи, съ черными лицами, съ прядями полусѣдыхъ волосъ, выбивавшихся неопрятными космами изъ подъ грязныхъ пестрыхъ платковъ, сидѣли подъ полотномъ, перебирая какія-то тряпки или курия коротенькія трубки. Нѣсколько молодыхъ Цыганокъ, съ роскошными, но нечесанными волосами, въ ситцевыхъ платьяхъ и платкахъ, скорѣе обмотанныхъ кое-какъ вокругъ тѣла, чѣмъ надѣтыхъ по человѣчески, возились около небольшихъ котелковъ, висѣвшихъ на треножкахъ, надъ бѣднымъ огонькомъ. Были между ними и красивыя, смуглыя лица, загрубѣвшія подъ солнечными лучами и степнымъ вѣтромъ; много было блестящихъ черныхъ глазъ, съ нахальнымъ выраженіемъ; вездѣ

гибкія статныя фигуры; но грязныя руки и ноги, невымытыя лица, нечесаныя головы, неопрятныя тряпки на тѣлѣ много отнимаютъ красоты у цыганской красавицы. Множество дѣтей съ черными курчавыми волосами видѣлись невдалекѣ отъ табора, дрались около котловъ и валялись около старухъ въ палаткахъ. Ребятишки отъ самыхъ маленькихъ, даже до десятилѣтокъ, бѣгали рѣшительно безъ всего, даже безъ рубашекъ.

Мужчинъ было мало видно. Изрѣдка изъ подпалаточнаго полога показывалась голова съ цѣлою тучею черныхъ курчавыхъ волосъ, или выглядывала изъ кибитки черная же, съ синеватымъ отливомъ, борода спящаго Цыгана,

Не успѣли офицеры подойти къ табору, какъ около нихъ запрыгали, закувыркались черезъ голову нагіе ребятишки. Весь таборъ переполошился. Молодые Цыганки, оставивъ свои котелки и забрасывая назадъ растрепавшіяся волосы, спѣшили навстрѣчу, обдергивая лохмотья. За ними полѣзли старухи съ трубками въ зубахъ. Нѣсколько смуглыхъ красивыхъ мужскихъ фizioномій, съ бородами и безъ бородъ, показались изъ-подъ палаточныхъ пологовъ и кибитокъ, но не спѣшили еще выходить. Ребятишки и молодые Цыганки не говорили по-русски, но всѣ знали, что такое грошикъ и копѣечка, и всѣ твердили: дай баринъ! дай баринъ! со всѣхъ сторонъ протягивались руки. Одна старуха, впрочемъ, обратилась къ Егору Филипычу, говоря: дай, баринъ, ладошку — всю правду скажу! Егоръ Филипычъ замоталъ на это отрицательно головою. Сухопарый и Торстенсонъ смотрѣли на молодыхъ Цыганокъ, которыя улыбались и охарашивались.

— Дай на бѣдность, баринъ! приступили старухи: — вотъ дѣвчонки-то попляшутъ, хорошо попляшутъ!

У Егора Филипыча не оказалось съ собою мелочи, но Сухопарый и Торстенсонъ показали нѣсколько гривенниковъ и двугривенныхъ, и кинули двѣ монеты въ толпу. Все бросилось и смѣшалось въ кучу; руки и ноги переплелись, образовался какой-то хаосъ изъ голыхъ ребятишекъ и Цыганокъ, одѣтыхъ въ лохмотья. Деньги были взяты, но неизвѣстно кѣмъ. Толпа еще болѣе пристала къ офицерамъ.

— Ну, пусть дѣвчонки попляшутъ, сказалъ Сухопарый.

Въ одно мгновеніе толпа раздалась, штукъ десять дѣвченокъ, лѣтъ по 11 или 12, образовали кругъ, взявшись заруки.

Нѣсколько Цыганокъ что то живо запѣли, и кружокъ пошелъ плясать, и пошелъ все живѣе и живѣе. Ногъ почти не было видно, съ такою быстротою работали ими танцующія. Солнце освѣщало упругіе, коричневыя члены хоровода. Сверкали бѣлыя, какъ слоновою костью, зубы у поющихъ. Курчавыя ребятишки скакали вокругъ, кувыркались и становились на головы. Стояль въ воздухъ отъ пѣнія. Однѣ старухи молча покуривали трубки.

— Славно, сказалъ наконецъ Егоръ Филипычъ, когда хороводъ пересталъ и всѣ бросились опять за новыми монетами.

— А что? спросилъ разлакомившійся капитанъ у старухи, которая предлагала ему погадать: — а большія-то, вотъ, добавилъ онъ, указывая на молодыхъ Цыганокъ: — такъ же не попляшутъ ли? и я бы, тово, тоже посмотрѣлъ!

— Вишь чего Егоръ Филипычъ-то захотѣлъ! сказалъ Сухопарый Торстенсону. — Смотрите, Егоръ Филипычъ, женѣ напишу, плохо будетъ. Дулинъ пріятно улыбнулся.

— Нѣтъ, баринь! нѣтъ, дорогой мой, золотой, бриллиантовый! нѣтъ! ужъ молодухи-то такъ не пляшутъ, заболтала старуха. А вотъ хошь погадаю! дай, всю правду скажу!

— Поди ты, что тутъ гадать-то! оно, тово, нагадаешь, что шею скоро свернуть....

— А что, господа, пора и чай пить, сказалъ Егоръ Филипычъ: — пойдѣмъ-ко ко мнѣ!

Офицеры пошли къ деревнѣ, сопровождаемые ребятишками и Цыганками. Это былъ необыкновенный день, изъ всѣхъ скучныхъ однообразныхъ дней продолжительной остановки, отчего имъ и были всѣ чрезвычайно довольны. Черезъ день ушли Цыгане, и пошло опять все по прежнему, скучно и монотонно.

Битыхъ три недѣли простояли эскадроны на одномъ мѣстѣ. Вдругъ получено приказаніе двинуться впередъ къ Леову, переправиться черезъ Прутъ и идти дальше въ Молдавію. — Проснулось все въ одно мгновеніе; все ожило, засуетилось.

— Собирай живѣе все! кричали офицеры на деньщиковъ, и тѣ комкая, какъ что попало, чистое съ грязнымъ, укладывая немытую посуду, нечищенные сапоги, все валили вмѣстѣ и перевязывали чѣмъ Богъ послалъ. Опять подавай походную форму, солдатскую шинель, каску на голову, садись на застоявшагося ко-

ня, который такъ и пляшетъ и фыркаетъ, и маршъ въ походъ! — Забыты и черный котъ и Цыгане. Даже у Егора Филипыча Дулина пропала меланхолія, и тотъ какъ-то бодрѣе смотритъ.

Проснулось все духомъ; прочь скука, нѣтъ тебѣ мѣста въ походъ!

— Маршъ! скомандовалъ Дулинъ, расправляя могучія средства своего голоса, какъ будто передъ нимъ стоялъ цѣлый корпусъ, а не одинъ эскадронъ. И эскадронъ стройно двинулся въ путь.

— Ну, у насъ въ маѣ мѣсяцъ не такъ жарко, какъ здѣсь. Выдаются и у насъ теплые деньки, да все не такіе! говорили между собою офицеры на походъ. Ухъ, какъ парить!

Узкая дорога вилась между крутыми возвышенностями, то спускалась въ оврагъ, то опять подымалась, то слѣдовала вдоль обрыва. Пропалъ степной характеръ. Въ этихъ мѣстахъ Бессарабій поверхность земли вся вздулась какими-то буграми, большими и малыми, изрѣзалась оврагами и трещинами; кажется, что нѣтъ гладкаго мѣста, а значительныхъ горъ все-таки не видать.

Отроги Карпатъ избородили почву. На буграхъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ видны пашни, будто заплаты другаго цвѣта на сѣромъ сукнѣ. Иногда въ оврагъ покажется бѣлая мазанка или грустно зеленѣетъ одинокое дерево. Довольно пустынна внутренность Бессарабій: населеніе дѣлается гуще къ Днѣстру и Пруту, въ долинахъ которыхъ гнѣздятся богатая деревни.

Длинною лентою тянулся эскадронъ по узкой дорогѣ. Впереди ѣхали Дулинъ, Сухопарый, Торстенсонъ и Молдаванъ проводникъ, въ деревянной каруцѣ, въ которой не было ни одного желѣзнаго гвоздика, запряженной парюю тощихъ лошадокъ въ веревочныхъ шлейкахъ.

— Тучка подымается, да и какая еще черная! сказалъ Сухопарый, глядя въ даль съ возвышенности, на которую только что поднялись.

— Дождь будетъ! лаконически замѣтилъ Дулинъ, сморщившись и приложивъ руку къ глазамъ. — Хоть бы обождалъ маленько! добавилъ онъ: — а то только выступили, промочить насъ сквозь!

Быстро поднялась туча темносѣрою стѣною, съ ярко-бѣлою волнистою окраиною, и, по мѣрѣ того, какъ росла кверху, ши-

роко расправляла свои крылья въ стороны. Молдаванъ проводникъ обернулся къ офицерамъ и указывая на тучу сдѣлалъ многозначительную гримасу.

— Прибавь ходу! скомандовалъ Дулинъ.

Эскадронъ сталъ двигаться живѣе. Но быстрѣе неслась грозная туча, не успѣли оглянуться, а ужъ бѣлая окраина надъ самыми головами. Темная тѣнь быстро бѣжала на встрѣчу; вдругъ пронеслась подъ ногами эскадрона — солнце скрылось. Полгоризонта одѣлось въ густой свинцовый цвѣтъ, а яркая бѣлая окраина уже позади и все-таки летитъ дальше. Вдругъ пахнулъ свѣжій вѣтеръ въ лицо и затихъ. За тѣмъ налетѣлъ вторично, но сильнѣе, и закрутился пыльными столбами по дорогѣ. Глухо зашумѣлъ громъ, Богъ знаетъ въ какой дали, молнія блеснула раза два, еще пролетѣлъ вихрь, наклоня низко головы нѣсколькихъ деревьевъ, случившихся около дороги, и обсыпалъ всѣхъ страшною пылью. Раскатился громъ, долго переливаясь и какъ бы прислушиваясь къ собственному эху, наконецъ вдругъ грянулъ надъ самыми головами, и тотчасъ же, спустивъ тонъ, понесся дальше. Почти всѣ перекрестились. Пронесся вихоръ, затихъ громъ и сверху начали падать крупныя, какъ горохъ, теплыя дождевыя капли, барабаня по дорогѣ, которая тотчасъ же сдѣлалась рябою. Чаще стали капли, дорога потемнѣла. Дождь вдругъ полился съ неба, въ одно мгновеніе обмывъ пыль съ людей и лошадей.

— Ну, и вѣтру нѣтъ, и громъ пересталъ, а дождить-то какъ, хороши будемъ! сказалъ Егоръ Филипычъ, страхивая съ носа каплю.

А дождь все сильнѣе да сильнѣе. Сначала казалось, какъ-будто передъ глазами мелькаютъ частыя водяныя палки, потомъ эти палки стали чаще, чаще, и все слилось въ какую-то однообразную туманную массу, которая съ ровнымъ шумомъ неслась съ верху; густымъ туманомъ ливень одѣлъ всѣ окружающіе предметы; едва едва были видны только самые ближайшіе.

Промокли въ одно мгновеніе шинели; усы и бакенбарды у Егора Филипыча Дулина, гривы и хвосты у лошадей повисли. Всѣ ѣхали наклоня головы и морщась отъ воды, которая такъ и лилась за воротникъ. Перчатки раскисли въ кисель.

— Ну, въ сапогахъ хоть рыбу уди! ворчалъ Егоръ Филипычъ. Да и обложило-то какъ! и конца ливню не будетъ!

Долго шель эскадронъ, а ливень какъ-будто тѣшится, то нѣсколько потише, то зашумитъ еще пуще прежняго, и нѣтъ ни одной прорѣшки на небѣ, все ровно свинцоваго цвѣта. Глубокія лужи уже стояли въ котловинахъ; бойкіе ручьи лились съ горъ и неслись въ долинахъ. Платье прилипло къ тѣлу и обвисло, лошади поджали хвосты, и эскадронъ, какъ стадо мокрыхъ курицъ, скользя въ грязи, тянулся по узкой дорожкѣ, которая вилась по карнизу высотъ. Справа крутыя глинистыя горы; слѣва оврагъ, почти съ отвѣсными берегами, каменистое ложе весенняго потока. Все преобразилъ ливень: пропала сухость почвы, вездѣ вода: и сверху льется, какъ изъ ведра, и съ горъ несутся цѣлые потоки и летятъ черезъ дорогу въ оврагъ, въ которомъ уже реветъ и клокочетъ настоящая рѣка, мутной, желтоватой воды. Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большею силою несутся во всѣхъ углубленіяхъ дороги быстрые ручьи и бурными каскадами падаютъ съ обрыва. Уже нѣсколько такихъ потоковъ перешель эскадронъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ эти переправы труднѣе. Голова кружится отъ быстроты, лошади боятся и нейдутъ въ воду. Подошли наконецъ къ мѣсту, гдѣ дорога дѣлала изгибъ, образуя небольшую впадину. Въ этой впадинѣ неслась черезъ дорогу масса воды и съ ревомъ стремилась въ оврагъ. И не широкъ, кажись, потокъ, всего сажени четыре или пять, но велика сила его теченія. Первый остановился Молдаванъ въ своей каруцѣ, показывая знаками, что лошади нейдутъ. За ними остановились и офицеры, а тамъ и весь эскадронъ, въ хвостѣ котораго шли офицерскіе вьюки, подъ присмотромъ дежурнаго унтеръ-офицера, и одинъ конный артиллеристъ верхомъ, безъ сѣдла, имѣя другую лошадь въ поводу. Лошади фыркали, топтались на мѣстѣ и не шли въ воду. Егоръ Филипычъ далъ шпоры своему жеребчику и бросился на крутую высоту, вправо отъ дороги, думая пробраться по гребню возвышенностей. Горячій конь ринулся на глинистую круть, дѣлалъ неимоверныя усилія, но взобраться на покатошь не могъ.

— Нѣтъ оно, тово, не беретъ! оттуда, хоша и взберешься, спустишься въ оврагъ, какъ на салазкахъ! Попробуй—ко ты Михайло Семенычъ, черезъ воду—то перейдти, на твоёмъ Пивоварѣ, сказалъ онъ Сухопарому: — конь—то это степной, не пугливъ!

— Попробовать—то можно, да пойдетъ ли! отвѣчалъ Сухопарый, трогая своего коня впередъ. Лошадь, вытянувъ шею и раздувъ ноздри, робко подошла къ водѣ; но испугавшись шума

и брызгъ, хотѣла тотчасъ же повернуть назадъ. Сухопарый заставилъ ее поворотиться—сжалъ ногами и, одобрительно покрикивая, направилъ прямо въ воду. Рѣшился на этотъ разъ добрый степной конь и двинулся прямо. Вытянувъ голову и повернувъ самъ нѣсколько противъ течения, онъ перебирался черезъ потокъ, высоко поднимая ноги. Сухопарый, стараясь не смотрѣть внизъ, трепалъ коня по длинной шеѣ, ободряя его голосомъ, слышно было подъ сѣдломъ, какъ лошадь дрожала и какія страшныя усилія дѣлала она, чтобы удержаться на ногахъ. Вода же съ шумомъ и ревомъ неслась подъ самыми сапогами всадника, брызги летѣли со всѣхъ сторонъ. Вдругъ конь рванулся впередъ и, выскочивъ на сухое мѣсто, однимъ скачкомъ отодвинулся отъ страшнаго потока и, повернувшись къ сторонѣ другихъ лошадей, заржалъ. «Добрый Пивоварушка! молодець! умница!» лаская лошадь, приговаривалъ Сухопарый. Стоило перебраться одному, за передовымъ конемъ пошли и другіе, поодиночкѣ. Сухопарый невольно любовался, глядя какъ лошади, раздувая ноздри, шли въ воду, какъ онѣ тамъ работали ногами, и какъ живо выносили всадника на сухое мѣсто. Со стороны страшнѣе было смотрѣть на переправу други хъ, чѣмъ переправляться самому. Офицеры, переѣхавъ первые, пропустили мимо себя весь эскадронъ.

Прошли благополучно и вьючныя лошади, переѣхалъ и проводникъ въ каруцѣ, съ грѣхомъ по поламъ. Но вотъ двинулся конный артиллеристъ съ заводнымъ конемъ; войдя въ воду, заводная лошадь испугалась, фыркнула и, приподнявъ голову, стала по длинѣ течения. Бѣдный артиллериттъ потянулъ ее со всѣхъ силъ, но было поздно: лошадь пошатнулась, въ одно мгновеніе всадникъ слетѣлъ съ другаго коня и все, и человекъ, и обѣ лошади, мелькнувъ на гребнѣ каскада, которымъ потокъ спускался въ оврагъ, исчезло въ обрывѣ. Невольный крикъ вырвался изъ груди у зрителей. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли на мутно желтоватую воду, которая клочотала внизу и бѣшено неслась въ даль съ шумомъ и ревомъ. Нѣсколько разъ уже далеко-далеко сверкнула каска бѣднаго солдата, посреди пѣны и брызгъ, и исчезла изъ виду....

— Ну, поминай какъ звали! сказалъ Егоръ Филипычъ. Вѣдь вотъ, подумаешь, въ дождевой водѣ утонуть! добавилъ онъ глубокомысленно.—Эскадронъ, маршъ! эскадронъ двинулся, толкуя о случившемся несчастіи.

Вдругъ ливень стихъ, пошелъ обыкновенный дождь, становясь все рѣже и рѣже, и тотъ, наконецъ, прекратился совсѣмъ. Повременамъ еще падали съ неба дождевыя капли, но гроза уже миновала, хотя горизонтъ еще и былъ свинцоваго цвѣта. Промоченные до нитки, прибыли всѣ на стоянку въ большую деревню, гдѣ уже расположенъ былъ десятый эскадронъ. Пикинеры острили надъ вымокшими драгунами, спрашивая: пыльно ли въ дорогѣ! Тѣ отвѣчали имъ крупною русскою рѣчью.—А мы здѣсь рыбу пиками выудили! хвастались первые. Сомина большущій, цѣлый конный артиллеристъ, подъ мостомъ его изловили! едва отколыхали, живъ; да горюетъ больно, говорить, что баню пропихутъ, что лошадей потерялъ.

Разинулъ ротъ седьмой эскадронъ, дивясь, какъ уцѣлѣлъ человекъ, проплывъ версты полторы въ бурномъ потокѣ и не разбившись о камень.

— Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ! замѣтилъ Егоръ Филипычъ.

— Завтра переправа чрезъ Прутъ! говорили между собою офицеры. Весь полкъ соберется въ Леовѣ.

Поднялась суматоха въ мѣстечкѣ, когда прибылъ полковой штабъ, забѣгали солдаты, засуетились Жиды.

Вездѣ были видны деньщики, нагруженные мѣшками, свертками, кулками. Опять въ каждой лавчонкѣ заторчали офицеры, покупая все, что только было можно, для похода.

— Экое горе! говорилъ Сухопарый Торстенсону, стоя по срединѣ грязной улицы. Не успѣлъ размѣнять денегъ въ Кишиневѣ, а теперь хоть ни съ чѣмъ иди, не одного золотого въ карманѣ, а за Прутомъ уже ассигнаціи не ходять!

— Попробуйте размѣнять здѣсь!

— Да гдѣ тутъ размѣняешь?

— А вамъ много нужно, ваше благородіе! заговорилъ грязный Жидъ, подходя къ офицерамъ и снимая шапку.

— Не очень много! а сотни на три нужно!

— Подождите, ваше благородіе! таинственно сказалъ Еврей. Вдругъ съ другой стороны у Сухопараго появилась еще жидовская фигура.

— А вамъ, ваше благородіе, нужно деньги на золото перемѣнить? а онъ вамъ не перемѣнить! ей же Богу не перемѣнить? и возьметъ совсѣмъ дорого! а я возьму дешево!

— А онъ вретъ, ваше благородіе! въ самомъ дѣлѣ вретъ! заговорилъ первый Еврей, таща Сухопараго съ собою. «Хорошо, подумалъ послѣдній: конкуренція, дешевле возьмутъ!

— А что возьмешь за промѣнъ сотни? спросилъ онъ у первого Жида.

— А всего пять кербелей, ваше благородіе.

— Пошолъ! рѣшительно двинувшись впередъ, сказалъ Сухопарый. И слышать не хочю! здѣсь васъ много!

— А я возьму четыре, три возьму, живо заговорилъ второй.

— Два хочешь?

Жида вдругъ помирились и заболтали о чемъ-то по своему. Видно было, что они уже готовы покончить дѣло съ-обща.

— А намъ обоимъ за труды, ваше благородіе, чтонибудь говорили они.

— Ладно, за труды дамъ! а за промѣнъ по два рубля съ сотни!

— Вотъ сюда, ваше благородіе, говорили Жида, вмѣстѣ указывая дорогу. Сухопарый вошелъ въ лавку съ различными бакалейными товарами. Евреи что-то заболтали съ Жидомъ продавцомъ, тотъ подошелъ къ ящику, который стоялъ здѣсь же, отперъ его и Сухопарый, съ изумленіемъ, увидѣлъ, что ящикъ былъ полонъ червонцевъ, въ уровень съ краями. Жидъ, спокойно отсчитавъ требуемую сумму, принялъ ассигнаціи, и заперъ ящикъ на ключъ, оставивъ свое богатство, но прежнему, на виду. Глазамъ какъ-то не вѣрилось, какъ Еврей, имѣя подъ рукою огромную сумму, выставялъ ее преспокойно на показъ.

«Ну слава тебѣ, Господи, думалъ Сухопарый, давъ другимъ Жидамъ за хлопоты и выходя изъ лавки. Вѣдь, что не говори, а славный народъ Жида! въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто необходимы!»

Въ веселомъ расположеніе духа Сухопарый отправился въ эскадронъ; часамъ къ десяти утра собрались всѣ эскадроны къ Леову и построились въ колонну не въ далекомъ отъ мѣстечка. Прибылъ полковой командиръ, за нимъ явился и бригадный, поздоровались они съ полкомъ, полкъ, какъ водится, прокричалъ: «здравія желаю, ваше превосходительство!» и опять все затихло въ ожиданіи напутственнаго молебствія.

Откуда то вдругъ появился человекъ въ форменномъ платьѣ, и не въ далеку отъ полка поставилъ налож. Вышелъ священникъ въ облаченіи, генералы и всѣ офицеры спѣшались и подошли къ наложу. «Пѣвчіе! Къ пѣшему строю, слѣзай», скомандовалъ полковникъ съ красноватою физиономіей; человекъ пятнадцать сгорѣли съ сѣдлаи выбѣжали изъ колонны. Началось молебствіе; хороша была картина напутственнаго молебна на берегахъ Прута; на ровной низменной мѣстности стоялъ налож, на которомъ лежало Евангеліе, передъ нимъ священникъ въ полномъ облаченіи. Противъ налож стоялъ старый унтеръ-офицеръ съ длинными сѣдыми усами и бакенбардами, весь въ шевронахъ, и держалъ штандартъ; подъ штандартомъ молодой офицеръ съ обнаженною саблею въ рукѣ. На право видѣлись пѣвчіе съ ружьями за плечами, въ полной боевой амуниціи, держа каски на молитву, кругомъ толпились офицеры, нѣсколько впереди стояли: небольшого роста полковой командиръ, съ смиренной физиономіей, и около него горделиво возвышался огромный и толстый бригадный генералъ. Сѣдая голова бригаднаго, съ длинными, сѣдыми усами, высоко торчала надъ прочими офицерскими головами; нѣсколько поодоль, въ стройной колоннѣ, видѣлся полкъ, на гнѣдыхъ лошадяхъ; хороша и грозна была наружность полка. Впереди первый эскадронъ; молодежи здѣсь замѣтно не было, все старые солдаты, мужественно глядѣли загорѣлыя, усатыя лица, бакенбарды у большинства закрывали даже воротники; нигдѣ ни говору, ни малѣйшаго движенія. Молча и величаво стоялъ полкъ, съ обнаженными головами. Никому не хотѣлось проронить ни одного слова службы Божіей, быть можетъ въ послѣдній разъ на Русской землѣ.

Началось молебствіе, поднялись руки у каждаго, всякій творилъ крестное знаменіе, православный ли былъ или не православный. Стали креститься и пѣвчіе, продолжая пѣть, крестились и солдаты на коняхъ, горячо молился священникъ, каждое слово его какъ будто вырывалось, внятно для всѣхъ далеко неслось его. Вѣтеръ стихъ, какъ будто боясь потревожить людей въ торжественную минуту, у бригаднаго командира вдругъ показалась слеза на щекѣ, за тѣмъ другая, и покатиалась съ длинныхъ сѣдыхъ усовъ. Посыпались слезы изъ глазъ и у смирнаго полковаго командира, невольныя слезы лились и у священника, заплакалъ вдругъ и молодой офицеръ подъ штандартомъ, задрожала у него сабля въ рукѣ. Казалось, что и со стали бѣжала

горячая, юношеская слеза; закапали на сѣды бакенбарды слезы изъ глазъ у штандартнаго унтеръ-офицера; глотая слезы, пѣли пѣвчіе. Заплакалъ и полковникъ съ красноватою физиономіей и Зеленчукъ толстый маіоръ. «Господи, всѣ плачутъ!» подумалъ Сухопарый, но тронувъ себя за лицо удивился, что и онъ, совершенно невольно, не отсталъ отъ другихъ.

Горячо всѣ молились! Вдругъ у каждаго понеслись, передъ глазами, длинною вереницею, родная семья, все дорогое для человѣка, все, что такъ далеко осталось назади. Полетѣлъ бы каждый опять, обнялъ свою мать, отца или жену, или дѣтей. Вдругъ страшная тоска схватила за сердце, но нашелъ человѣкъ себѣ утѣшеніе въ молитвѣ.

Съ благоговѣніемъ приложившись къ кресту, офицеры отошли въ сторону. Священникъ, продолжая пѣніе, окропилъ святою водою штандартъ и направился къ полку, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ кропильницей въ другой; сзади шли цѣлою толпою офицеры. Осѣнивъ полкъ крестомъ и окропивъ по воздуху святою водою, священникъ обошелъ колонну кругомъ, еще разъ остановился впереди и еще разъ благословилъ на путь добрый, на славу оружія. Благоговѣнно склонились солдатскія головы, принимая благословеніе.

Молча двинулись эскадроны одинъ за другимъ къ переправѣ. Подойдя къ длинной гати, которая вела чрезъ топкое мѣсто, къ мосту, устроенному на судахъ чрезъ рѣку, полкъ опять остановился.

— Деньщиковъ собрать всѣхъ сзади полка! крикнули впереди. Пошло передаваться приказаніе и наконецъ достигло до зеленого обоза, между повозками котораго, въ беспорядкѣ, то тамъ, то сямъ виднѣлись офицерскіе вьюки. Одинъ за другимъ выѣзжали деньщики, верхомъ на разношерстныхъ лошадакахъ, держа въ поводу вьючныхъ коней. Скоро образовалась огромная, пестрая, нестройная толпа; деньщики были, кто въ форменной каскѣ, кто въ фуражкѣ, одѣты также были разнообразно, и вообще, неотличаясь благовидностью, не были красивы и въ конномъ строю. Офицерскія лошади также были всѣхъ возможныхъ сортовъ и мастей. Пестрота была ужаснѣйшая.

— Глянь! халуйскій эскадронъ! начали острить между собою солдаты. А кто жь эскадронный?

Съ мрачными, недовольными физиономіями остановились деньщики. Солдаты безпрестанно допрашивали: кто халуйскій вахмистръ и есть ли взводные? Деньщики на это отвѣчали весьма коротко и энергически.

— Слѣзай! опять раздалось вперед.

Полкъ спѣшился и, по командѣ «маршъ», всѣ потянулись по гати къ мосту, держа лошадей въ поводу.

Не хорошъ въ этихъ мѣстахъ Прутъ: низменные берега, мѣстами болотистые, мѣстами песчаные, отмели въ рѣкѣ; желтоватомутная вода, рѣдкій кустарникъ вокругъ, однимъ словомъ не то, что богатая, разнообразная днѣстровская долина. Когда переправлялся полкъ, Прутъ былъ богатъ водою, отъ недавно бывшихъ дождей. Быстро неслись струи подъ жиденькамъ мостомъ, который такъ и колебался и дрожалъ подъ тяжестію переходящихъ лошадей. Каждый всадникъ велъ своего коня въ поводу. Лошади, натопорчивъ уши и раздувъ ноздри, осторожно ступали, слыша подъ копытами непривычный глухой стукъ. Живо шли люди и вытягивались на другую гать, на протовоположномъ берегу. На небольшомъ бугоркѣ около гати, въ тѣни нѣсколькихъ деревьевъ, сидѣлъ, на деревянной скамьѣ, начальникъ дивизіи и смотрѣлъ на переправу. Снявъ фуражку съ сѣдой головы, онъ глядѣлъ на проходящихъ драгунъ съ ласковою и привѣтливою улыбкою. Завидѣвъ офицера, онъ дружески кивалъ ему головою. Бодрѣе какъ то шли люди, увидѣвъ знакомую сѣдую голову: это было родное лицо въ чужомъ краю. Около начальника дивизіи сидѣлъ какой то офицеръ Молдаванъ, въ красивомъ мундирѣ и въ бѣлой фуражкѣ. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали чужеземную форму.

Перешли наконецъ всѣ. Опять — «садись!» и потянулись эскадроны уже по молдаванскимъ землямъ.

Молча шель эскадронъ, еще подъ вліяніемъ довольно тоскливаго настроенія духа при первомъ переходѣ пограничной черты въ военное время. Всякій невольно нѣсколько разъ обращался назадъ посмотришь на Россію. Не было ничего хорошаго и на томъ берегу: да то свое, наша Россійская земля! и невольная тоска опять западала въ грудь, по мѣрѣ того, какъ исчезали изъ виду деревья роднаго берега. «Куда то идешь?» каждому приходило въ голову. «И придется ли тебѣ опять переходить обратно

рѣку? Не на пирь спѣшишь! можетъ быть, положишь головушку въ чужой землѣ?»

Не произведетъ такого впечатлѣнія переѣздъ пограничной черты въ мирное время, а теперь эскадроны шли къ Дунаю и въ маршрутѣ послѣднее слово было: «Силистрія».

Сильно грѣло молдаванское солнышко, отражаясь въ мѣдныхъ каскахъ. Офицеры ѣхали впереди повѣся носъ. Не вдалекѣ показались двѣ фигуры, которыя шли на встрѣчу эскадрону. Дулинь, приложивъ, по обыкновенію, руку къ глазамъ, прищурившись, смотрѣлъ впередъ. «Пѣхотные солдаты!» сказалъ онъ, опуская руку.

Дѣйствительно, скоро два солдата поравнялись съ эскадронномъ. На обоихъ шинели были подогнуты и брюки вправлены въ сапоги. Бѣлые ремни, давно уже небѣлые, поддерживали пожелтѣлые ранцы, которые низко спустились съ плечъ. Уродливая высокая каска, съ потемнѣвшею мѣдью и съ съезжившимся колпакомъ, у одного сидѣла на самомъ затылкѣ, у другаго солдата была надѣта поперегъ, на подобіе треугольных шляпъ съ-поля; при этомъ, шишакъ на каскѣ былъ надломанъ въ основаніи и граціозно вздрагивалъ, на каждомъ шагѣ человѣка. Лица у солдатъ были похожи на черствый ржаной хлѣбъ, отъ сильнаго загара. Оба были небольшого, настоящаго армейскаго роста, и шли, нѣсколько склонившись впередъ, придерживая одною рукою ремни, давящіе грудь, а въ другой держа ружья, высоко поднимавшіеся надъ касками.

Поравнявшись съ офицерами, солдаты взяли ружья подъ прикладъ и намѣрены были вытянуться на походѣ, но усталыя спины не разгибались, и только надломанный шишакъ на каскѣ у втораго пѣхотинца въ это время сильно кивнулъ своею головкою. Невольное уваженіе внушали эти небольшія фигуры, несмотря на некрасивую одежду, на сломанный шишакъ. Сколько выходили эти усталыя ноги, сколько вынесли на себѣ эти сгорбленные спины. Не блеститъ одушевленіе въ глазахъ, налитыхъ кровью отъ дневной жары. Потъ струится по морщинистому лицу, оставляя грязныя полосы отъ наѣвшей пыли. Повсюду пойдетъ эта невзрачная фигура, безроотно, безпрекословно, подъ 40° жаромъ, и въ штыки и на батарею, полѣзетъ и на штурмъ; всюду пойдетъ этотъ некрасивый сгорбленный человѣчекъ въ высокой каскѣ. Знаютъ русскаго солдата и швейцарскія горы и стремнины кавказскія, и степи крымскія, и роскошная Италия, и

льды Кваркена, и знойная сушь турецкая, и тихая Германія, и самъ Парижъ! Не вездѣ такъ красивъ русскій солдатъ, какъ рисуютъ его у насъ на картинахъ, гдѣ, по большей части, бравые молодцы грозно идутъ въ бой, какъ будто прямо съ развода или съ Царицына луга. Нѣтъ! Вотъ истина: впереди офицеры въ солдатскихъ шинеляхъ, съ потемнѣвшими погонами, въ рукахъ обнаженные сабли, у иного на пуговицѣ виситъ кисетъ съ табакомъ; между офицерами, трясется на маленькой, мохнатой лошади, толстенькій командиръ. Сзади съ ружьями наперевѣсъ лѣзутъ небольшія фигуры, съ почернѣвшими физиономіями, на головахъ высокія каски, или бѣлая холщевыя фуражки; высоко развѣвается знамя, прострѣленное или изорванное. Все мрачно и сѣро, блеску нѣтъ! Валятся одинъ за другимъ небольшіе человѣки, а вся сѣрая толпа впередъ и впередъ, катится неудержимо и исчезаетъ въ пороховомъ дымѣ. Ляжетъ одна сѣрая колонна, кликнутъ другую. Баталіонный командиръ скажетъ своему баталіону энергическую, но краткую рѣчь, въ русскомъ стилѣ; опять офицеры впереди и все покатило впередъ на смерть!...

— Откуда вы идете, молодцы? спросилъ Дулинъ у солдатъ.

— Изъ подъ Журжи, бойко отвѣчалъ пѣхотинецъ, въ каскѣ съ поля; при чемъ шишакъ его незамедлилъ отвѣсить поклонъ спрашивавшему.

Офицеры всѣ приложили руки къ козырькамъ, отдавая честь храброй пѣхотѣ, въ лицѣ двухъ ея представителей. Солдаты прошли мимо.

— Изъ подъ Журжи! думалъ въ слухъ Торстенсонъ. Начнутся уже боевыя имена!

— Егоръ Филипычъ! вдругъ, будто проснувшись, сказалъ Сухопарый. Вызвали бы вы пѣсенниковъ, видите, люди идутъ повѣся носъ!

— А! оно, и тово, правда! надо людей куражить! Пѣсенники, впередъ! скомандовалъ Дулинъ.

Вѣхали человѣкъ десять. Между ними былъ одинъ взводный вахмистръ. Безъ дальнѣйшихъ приготовленій началась извѣстная пѣсня «Среди долины ровныя», передѣланная на солдатскій ладъ. Заунывно понеслись звуки. Невольно пѣсенники избрали ее, находясь въ тоскливомъ расположеніи духа.

Егоръ Филипычъ, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, понуривъ по обыкновенію голову, вдругъ пріостановился:

— Нѣтъ! оно, тово; пой не ту, веселую!

Переглянулись между собою разомъ замолкшіе пѣсенники.

— Надо веселиться, начальство приказываетъ!

Скрививъ ротъ на сторону, наклонивъ голову на бокъ и прищурившись, взводный вахмистръ, усатый мужчина, лѣтъ за сорокъ, вдругъ запѣлъ рѣзкимъ бабьимъ голосомъ:

«Я вкругъ бочки хожу, я на бочку гляжу, на дубовенькую!»

Я нашлся какъ быкъ, и не знаю, какъ быть.»

И потомъ вдругъ, тряхнувъ головою и вытаращивъ глаза, крикнулъ совсѣмъ уже другимъ тономъ:

«Напивайся, душа! душа драгунская!»

Хоръ бойко вторилъ припѣву:

«Напивайся, душа! душа драгунская!»

Опять скрививъ ротъ, вахмистръ запѣлъ второй куплетъ, у котораго припѣвъ былъ:

«Наѣдайся, душа! душа драгунская!»

Чѣмъ дальше, тѣмъ въ большой азартъ входили пѣсенники; увлеченіе звучало въ голосѣ; вахмистръ разливался фистулою, какъ канарейка. Бойко повторялся припѣвъ.

Многіе и въ эскадронѣ стали невольпо вторить. Поднялись головы, закурились коротенькія трубочки, слышались разговоры и остроты солдатскіе. Исчезло уныніе. Бодро пошелъ эскадронъ.

— Молодцы! сказалъ Сухопарый Торстенсону. Надо будетъ дать пѣсенникамъ что нибудь! еще веселѣе будутъ пѣть!

Торстенсонъ, молча, кивнулъ головою и полѣзъ въ карманъ.

Офицеры, подѣхавъ къ запѣвалѣ, дали ему нѣсколько денегъ, для раздѣла на весь хоръ.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе! единодушно сказали солдаты; на лицахъ положительно не было уже и слѣдовъ прежняго унынія.

Долго длилась пѣсня. Громко раздавался извѣстный куплетъ:

«Надувайся, хохоль!»

Пѣсенники съ хохотомъ вторили ему, и эскадронъ смѣялся.

Такъ шли на первомъ переходѣ за границу, по молдавской землѣ.

Не понравилась сначала Молдавія. Первые деревни за Лео-вогъ, еще въ долину Прута, бѣдны; плохія мазанки съ пузырями въ окнахъ, на мѣсто стеколъ, населеніе ни слова уже не понимаетъ по русски; грязь, запахъ отъ чеснока, мудреный счѣтъ на левы, при расплатѣ, производили на первыхъ порахъ неприятное впечатлѣніе.

Но вотъ, чѣмъ дальше, деревни чище, богаче; показались славныя села, съ опрятными бѣлыми домиками; стекла съ желѣзными рѣшетками замѣнили пузыри; въ хатахъ чисто, опрятно; вездѣ полосатые коврики, подушки; населеніе похорошѣло, одѣто лучше. Показались щегольскія бѣлыя рубахи съ красной коймой, шляпы съ широкими полями; огромные кожаные пояса; на Молдаванокъ поневолѣ стали засматриваться. Скоро помирились съ Молдавіею. Знакомились по дорогѣ съ поселянами, съ молдавскимъ духовенствомъ, ѣли на кругленькихъ столбкахъ, съ коротенькими ножками; пробовали малалыгу и стряпню молдавскую и порѣшили, что хотя въ Молдавіи и много хорошаго, но пища не приглянулась русскому желудку.

Пошли мѣстечки, города. Передъ входомъ въ мѣстечко обыкновенно вызывались музыканты; сзади штандартъ, подъ штандартомъ офицеръ; въ конвоѣ — взводъ. Плохая музыка трубитъ на пропалую, все мѣстечко переполошится. Усталые кони, хочешь не хочешь, а ступай въ лансадахъ; все шумить, блестятъ; толпа бѣжитъ за штандартомъ и указываетъ пальцами на офицеровъ.

Особенно понравились всѣмъ города молдавскіе: Бырлатъ, Бакеу, Текучъ, Романъ. Небольшіе городишки, какъ наши уѣздные, а все въ нихъ найдешь, и купить и достать всего можно. Настоящій праздникъ, какъ приходится остановиться въ городѣ. Офицеры сначала разбѣгутся по всѣмъ угламъ для закупокъ. Покупаютъ и шербеты, отъ которыхъ болятъ зубы и тошнить, и разные припасы для стола, и мелочи для платья, и вина молдавскія. Пестрота вездѣ. Всѣ окна настежь; все какъ будто живетъ и производитъ все на улицѣ. Всюду торчатъ стеклянныя фіолы съ разноцвѣтными напитками. Даже магазинъ найдется съ разными иностранными товарами. И все дешево, доступно для кармана, Жиды факторы, Жиды мелочные торговцы; вездѣ народъ, вездѣ жизнь кипитъ, не мертво и не пусто на улицахъ. Все полковое общество собирается мало по малу въ гостинницу. Начинается обѣдъ. Появились музыканты, Цыгане и Евреи,

заиграли. Весело объѣдаютъ офицеры. Проидеть недѣлька, въ походѣ нѣтъ расхода для денегъ: эскадронный командиръ кормитъ даромъ, да и обидится, если къ нему объѣдать не придешь; лошадей довольствуется онъ же за неслыханно дешевую цѣну. А тутъ жалованье двойное, и раціоны, и порціоны, и отъ фуражныхъ остается: просятъ сами деньги вонъ! Пришли въ городъ: здѣсь уже полный просторъ серебру и золоту: залежались—катитесь въ разные стороны! И катятся деньги, и въ одинъ день тратитъ человекъ больше, чѣмъ на походѣ бы истратилъ въ цѣлый мѣсяцъ. Шумъ и гамъ стоитъ въ гостинницѣ, гдѣ объѣдаютъ офицеры: музыка, пѣніе, громкій говоръ — кутить все, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Смотрятъ зѣваки, въ растворенныя окна, какъ веселятся отъ души походные люди. Повеселившись въ Бырлатѣ, понировавъ въ роскошной, французской гостинницѣ, въ небольшомъ городѣ Бакеу, эскадроны потянулись къ рѣкѣ Серегу и городку Текучу.

— Экое утро! съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій теплый воздухъ, говорилъ Сухопарый.

— Да, хорошо,—лаконически замѣтилъ Торстенсонъ.

Дѣйствительно было хорошо, дорога бѣжала по легко всхолмленной мѣстности, зеленая свѣжая трава виднѣлась кругомъ; жгучее солнце еще не успѣло ее высушить. Въ далекѣ рисовались горы, у подножія и на уступахъ бѣлѣли селенія. Тепло, вѣтерокъ еле-еле колышетъ воздухъ; не палитъ еще молдавское солнышко. Еще подъ влияніемъ утренняго сна идетъ эскадронъ; лѣниво переговариваются солдаты между собою; впереди по обыкновенію ѣдутъ офицеры. Вдругъ благовонная струйка дыма родной махорки пронеслась впередъ и пріятно защекотала носъ. Странное дѣло: пускай закуритъ любой солдатъ въ комнатѣ, хоть вонъ бѣги, отъ сладковато-удушающаго дыма; но на походѣ, особенно утромъ, чего то не достаетъ, когда не долетаютъ изрѣдка струйки простыхъ корешковъ. Въ Молдавіи этотъ благовонный табакъ уже былъ рѣдкостію; скупились на него солдаты и курили меньше; оттого то дымокъ русской махорки какъ то особенно былъ хорошъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, даже для офицерскаго носа.

Скоро прошла утренняя прохлада, начали жечь почти вертикальные лучи іюньскаго солнышка въ Молдавіи; легкій туманъ скупился въ бѣловатыя массы облаковъ на горизонтѣ.

Тяжело идти лѣтомъ, въ полдень, въ зѣшнихъ мѣстахъ. Пересыхаетъ горло, дорого бы, кажись, далъ за глотокъ свѣжей воды. Многие изъ солдатъ везутъ ее съ собою въ манеркахъ. Но черезъ два, три часа она такъ нагрѣвается, что пить нельзя. Спѣшится эскадронъ—вдругъ набредутъ на колодезь, какъ мухи на патѣку, облепять его солдаты, со всѣхъ сторонъ. Но не многимъ удастся глотнуть студеной влаги: уже увидали офицеры, ворвался въ толпу вахмистръ; съ сожалѣнiемъ оставляютъ солдаты колодезь, какъ дѣти, у которыхъ отымаютъ кусокъ пряника.

Краснорѣчивы и убѣдительно увѣщанiя вахмистра; но нельзя безъ этого: въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ при видѣ воды почти не помнитъ себя: жадно готовъ онъ проглотить хоть цѣлое ведро. А дай ко напиться хоть не много: вода какъ будто тотчасъ же просачивается во всѣ поры тѣла, еще больше сохнетъ горло, горитъ внутренность. Напившись разъ, уже страдаешь рѣшительно неутолимою жаждою. Всякій готовъ остудить желудокъ, а тутъ или молдавская лихорадка или холера тотчасъ предложить свои услуги и поминай какъ звали. «Соси лучше сухарекъ! говорили старые солдаты; оно лучше, чтобъ ротъ не гулялъ!» И дѣйствительно это хорошее средство: поддерживаетъ отдѣленiе слюны, не такъ пересыхаетъ въ горлѣ, легче тогда переносить жажду.

— Эй, Молдаванъ! крикнулъ Егоръ Филипычъ проводнику, который ѣхалъ на тощей лошади безъ сѣдла, сворачиваясь то на одну, то на другую сторону; выдавшійся хребетъ сильно его беспокоилъ.

Молдаванъ обернулся на голосъ Дулина.

— Что, мягко сидѣть? боляка, а? боляка?

Молдаванъ что-то заговорилъ посвоему.

— Ну тебя! сказалъ Егоръ Филипычъ.—Я, слышь ты, нуш-ти по молдаванешти! говори, по руссешти, слышь? коли хочешь, чтобы поняли!

Проводникъ замоталъ головою и отвернулся.

— Молдаванъ, а, Молдаванъ, слышь! опять закричалъ Дулинъ.

Проводникъ обернулся.

— Это друмъ на Станилешти? Башкой киваетъ.

— Видно это! ну, а далеко? а? не понимаешь? ну, версть сколько? подымая руки и растопыривая пальцы, для показанiя счета, говорилъ Егоръ Филипычъ.

Молдаванъ опять заговорилъ что-то по своему.

— Ну, тебя къ дьяволу! Экой чортовъ народъ, ничего не поймешь какъ толкуютъ!

Опять замолчали; проводникъ но прежнему ѣхалъ впередъ, принимая различныя позы, изъ желанія сидѣть поспокойнѣе. Вдругъ налетѣла тучка, солнце спряталось и пошелъ частить дробный дождичекъ.

— Ну, давно не былъ! проворчалъ Егоръ Филипычъ.

Въ это же время Молдаванъ, обратившись къ офицерамъ, указывалъ на большія бѣлыя мазанки, видѣвшіяся не въ далекомъ въ глубокой котловинѣ, приговаривая:

— Станилешти! Станилешти!

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ Дулинъ: — хоть во время дождь пошелъ!

Эскадронъ прибавилъ ходу и минутъ черезъ десять прибыл на станцію. Это была убогая деревушка изъ четырехъ плохихъ мазанокъ, которыя какъ будто были прилѣплены къ довольно крутымъ возвышенностямъ.

— Да гдѣ же тутъ еще-то хаты? заговорилъ Дулинъ:—одна, двѣ, три, четыре всего, да и тѣ выѣденнаго яйца не стоятъ! Эй, Молдаванъ, это Станилешти? это! Да гдѣ же тутъ стать? четыре двора на эскадронъ? ну вотъ, енаральный-то штабъ и того... поднявъ брови и выразительно качая головой, говорилъ Егоръ Филипычъ, обращаясь къ Сухопарому и Торстенсону:—ну, какъ цѣлый эскадронъ въ четыре двора упрятать! А вѣдь тоже деревня называется! Ну будь хоть погода, бивуакомъ бы сталъ, а теперь... ну ихъ! тутъ Егоръ Филипычъ что то пробурчалъ себѣ подъ носъ, махнулъ рукою и слѣзъ съ коня. Двѣ хаты, по больше, отдали подъ эскадронъ, по два взвода на каждую, а двѣ хаты поменьше оставили для офицеровъ. Сухопарый и Торстенсонъ, видя, что Егоръ Филипычъ такъ огорчился на худую стоянку, избрали для себя избу по плоше, новойдя въ хату, они увидѣли, что внутренность была еще хуже наружности: пространство, не болѣе двухъ сажень въ длину и сажени въ ширину, было загромождено довольно большою покривившеюся печью. На грязномъ земляномъ полу валялось бѣдное молдавское семейство; два маленькихъ ребенка лежали на овчинахъ, больная старуха и женщина лѣтъ тридцати. Стѣны были темныя, давно не бѣленныя, одно маленькое окошечко, противъ дверей, затянутое пухомъ; подъ окномъ узенькая кривая скамья, единственная въ

хатѣ. Потолка не было, надъ головами виднѣлась только старая соломенная крыша, поддерживаемая тонкими жердями. Вездѣ темно, грязно, бѣдность поражаетъ глазъ; спертый воздухъ тѣснить грудь. Первый разъ еще въ Молдавіи приходилось располагаться на такой квартирѣ. Поморщившись, полѣзли офицеры чрезъ молдавское семейство къ скамьѣ и усѣлись на ней подъ окномъ. Долго они сидѣли молча, куря папиросу за папиросой. А дождь такъ и рубить на дворѣ.

— Вотъ кабы остановиться на нѣсколько недѣль въ такой хатѣ! глубокомысленно замѣтилъ Сухопарый.

Торстенсонъ сказалъ только на это: гм... и молчаніе водворилось снова.

За дверями хаты слышался говоръ солдатъ, убравшихъ лошадей подъ дождемъ, и хрюканье нѣсколькихъ свиней. Вдругъ раздался жалобный визгъ поросенка и за тѣмъ громкій солдатскій хохотъ. Молдаванка живо вскочила и, выбѣжавъ изъ хаты, въ тоже мгновеніе громко заплакала. Сухопарый и Торстенсонъ тотчасъ же бросились вонъ изъ избы. Глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: прямо противъ двери лежалъ на мокрой землѣ небольшой поросенокъ и судорожно корчился, кровь клубомъ выступала изъ раствореннаго рта. Надъ нимъ убивалась Молдаванка; громко рыдая, и указывая на страдальца, она бросилась къ офицерамъ. Изъ словъ ее можно было понять, что солдаты убили поросенка. По другую сторону стояло нѣсколько человѣкъ драгунъ, безъ шапокъ, съ разстегнутыми куртками. Всѣмъ было чрезвычайно весело; а одинъ, стоя нѣсколько впереди, гордо опирался на огромную, толстую палку.

— Это что! спросилъ Сухопарый. Кто это устроилъ? Зачѣмъ поросенка убили?

— Да это Зеленковъ убилъ его, ваше благородіе, отвѣчали солдаты.

— Что это тебѣ вздумалось, Зеленковъ! крикнулъ на него Сухопарый.

— Да онъ, ваше благородіе, все у лошадей кукурузу кралъ. Ужъ я его три раза отводилъ, а онъ опять, на зло, нарываетъ туда же! Я его по спинкѣ и ударилъ! Да я не хотѣлъ убить его, ваше благородіе, а такъ подугать, а онъ и легъ!

— Съ поросенкомъ поспорилъ! сказалъ Сухопарый. Поглядеть тебя самого по спинкѣ!

— Да онъ, ваше благородіе, лошадей обиждалъ! нельзя было! оправдывался солдатъ.

Видя, что дѣлу не поможешь, и что дѣйствительно, быть можетъ, убійство было учинено, такъ себѣ спроста, безъ особеннаго намѣренія раззорять Молдаванъ, офицеры дали полтинникъ женщинѣ, которая тотчасъ же утѣшилась, и, ругнувъ еще разъ солдатъ, ушли въ хату.

Пришла наконецъ ночь. Головами упряясь въ стѣны, а ногами вмѣстѣ, Сухопарый и Торстенсонъ уюстились, кое какъ, на узенькой скамейкѣ. Къ вечеру явился еще и хозяинъ Молдаванъ, отчего люду въ хатѣ еще прибавилось. Трудно было заснуть, скорчившись въ три погибели. Долго длилась безсонная ночь. Голова горѣла, дыханіе стѣснялось отъ ужасныхъ испареній цѣлаго семейства, которое гнѣздилося подъ ногами. Желая закурить папиросу или зажечь свѣчу, Торстенсонъ сталъ шарить спичекъ, и какъ нарочно не находилъ. Сухопарый искалъ около себя: нѣтъ, да и только. Первый, въ поискахъ, спустилъ какъ-то ногу со скамьи, и задѣлъ нечаянно больнаго робенка, тотъ горько заплакался; другой, проснувшись, сталъ ему вторить; старуха застонала; мать стала убаюкивать дѣтей. Офицеры заткнули себѣ уши отъ этого содома и отказались, скрѣпя сердце, отъ намѣренія зажечь свѣчу. Утомительно долго длилось время. Едва едва къ утру, совершенное изнеможеніе заставило забыться обоимъ; тяжелая, болѣзненная дремота закрыла отяжелѣвшіе глаза.

Вдругъ зазвучала труба; рѣзко неожиданно раздались звуки: «сѣдлатъ коней!»

Протирая глаза и съ усиліемъ разгибая одеревенѣвшіе члены, вскочили Сухопарый и Торстенсонъ.

— Ну ужъ ночка! говорили они. Слава Тебѣ Господи, что прошла — на слѣдующей стоянкѣ выспимся?

Въ небольшой, но свѣтлой молдаванской хатѣ сидѣло двое офицеровъ, которыхъ судьба забросила вмѣстѣ съ полкомъ въ небольшую деревеньку, недалеко отъ города Текуча. Хатка была чистенькая, выбѣленная самымъ неукоризненнымъ образомъ, съ довольно большими окнами съ желѣзными рѣшотками,

по молдавскому обыкновению. Изъ растворенныхъ оконъ видѣлись вѣтви черешенъ съ множествомъ ягодъ, но около нихъ не было никого изъ любителей плодовъ; видно было, что здѣсь это дѣло слишкомъ обыкновенное. Между деревьями проглядывали бѣленькіе молдавскіе домики, въ самыхъ разнообразныхъ на-правленіяхъ. Здѣсь всякій строился, не подчиняясь общему плану, а какъ было удобнѣе. Домики даже спускались къ крутому оврагу, изъ котораго тонкимъ столбомъ подымался дымъ отъ походной кухни. Нѣсколько солдатъ, въ однѣхъ рубахахъ, безъ шапокъ, вертѣлись около котловъ, но главный кашеваръ, маленькій, сухенькій солдаткѣ, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, былъ въ офицерскомъ колетѣ безъ воротника. Колетъ этотъ, подаренный эскадроннымъ командиромъ, былъ для него настоящей фракъ, и никогда не снимался съ плечъ, несмотря на жаръ и сверху отъ солнца и снизу отъ котла. Тутъ же видѣлись дежурный унтеръ-офицеръ и двое дневальныхъ въ каскахъ, при сабляхъ, одѣтые въ толстое армейское сукно; всѣ они стояли спокойно подъ сорока градуснымъ жаромъ и флегматично смотрѣли на котлы, какъ будто солнце палило не ихъ спины.

Солнце уже приближалось къ полдню, а въ хатѣ кипѣлъ походный, довольно грязный самоваръ. Обитатели хатки еще занимались утреннимъ чаемъ.

Передъ столомъ сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати четырехъ или пяти; другой, такого же возраста, ходилъ взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ. Оба были въ самыхъ легкихъ костюмахъ, по случаю жаркаго времени.

Первый сидѣлъ на неприбранной еще постелѣ, надъ головой у него на стѣнѣ висѣли лядунка и шашка съ драгунской португеей, а на полкѣ наверху стояла каска; тоже украшало и другую стѣну надъ другою постелью. Лядунки и португеи были сильно поношены; трудно было опредѣлить, золотыя онѣ или серебряныя, ясно было, что онѣ не одинъ мѣсяцъ въ походѣ и видали всякую погоду. Изъ подъ постелей торчали чемоданные вьюки, а на постеляхъ красовались микроскопическія подушечки и два старые халата, которые служили одѣялами.

Офицеры были наши старые знакомые: поручики Сухопарый и Торстенсонъ.

— Оедоръ Карлычъ! вдругъ сказалъ Сухопарый. — А какой часть?

— Двѣнадцать и десять минутъ! отвѣтилъ Торстенсонъ, не переставая ходить.

— А что, не пора ли и обѣдать идти къ Егору Филипычу?

Федоръ Карлычъ сказалъ: гмъ! и, молча, сталъ исправлять свой туалетъ.

— Ну, и слава Тебѣ Господи, и до обѣда дожили! началъ опять Сухопарый, подымаясь съ мѣста. — Посидимъ у Дулина часика два, потомъ заснемъ, а тамъ и за вечерній чай. Смотришь, день-то и пройдетъ!

— Какъ вамъ не надоѣстъ, по три часа сряду, чай въ брюхо выливать? отрывисто спросилъ Торстенсонъ, надѣвая на себя измятую фуражку, съ потемнѣвшей кокардой.

— Ну, а что же прикажете дѣлать?

— Мало ли что!

— А что, напримѣръ? мечтать — не о чемъ! Стихи писать — не поэтъ! Что же лучше, чулки штопать, какъ вы вчера дѣлали?

— Ну, ужъ вы опять за то, размахивая руками и сразу разгорячившись, сказалъ Торстенсонъ. — Я вамъ говорю, Михайло Семенычъ, вы себѣ на языкѣ мозоли натирать будете.

— Мозоли натрете, спокойно поправилъ его Сухопарый.

— Ну, что вамъ мои чулки давались? заболталъ Торстенсонъ.

— Дались, опять поправилъ Сухопарый.

Торстенсонъ съ яростію отвернулся и сталъ шагать по хатѣ, забывъ про свое намѣреніе идти обѣдать къ Дулину.

— Душенька, Федоръ Карлычъ! ну, чего вы сердитесь? началъ Сухопарый.

— Да я и не сержусь, совершенно другимъ голосомъ сказалъ Торстенсонъ, переставая ходить. — Да это вы все!

— Печенка испортится, продолжалъ его уговаривать первый. Торстенсонъ опять отвернулся.

— Знаете ли, Михайло Семенычъ! вдругъ, прервавъ молчаніе, сказалъ послѣдній.

— Нѣтъ, не знаю!

— Я васъ и люблю и терпѣть не могу.

— Это по какой причинѣ?

— Языкъ у васъ точно шило, что сапоги шьютъ.

— Шиломъ сапоговъ не шьютъ. Неправильное выраженіе!

Торстенсонъ махнулъ рукой и опять сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Ну, отчего же мой языкъ похожъ на шило? допытывался Сухопарый.—Язвить, что ли?

— Да, язвить.

— Чѣмъ же я васъ уязвилъ? Чулками, что ли?

— Съ вами говорить нельзя, снова разгорячившись, сказалъ Торстенсонъ.

Въ это время скрипнула дверь и въ хату вошелъ также знакомый уже намъ юнкеръ Игнатъевъ.

— А, Аполлонъ Дмитритчъ! какъ васъ Господь Богъ милуетъ? заговорилъ Сухопарый.—Ну, что у васъ новенькаго?

— У меня, ничего; а у васъ?

— А у насъ—семейная сцена: вотъ Федора Карлыча разсердилъ.

— И вздоръ, не разсердили! вступился за себя Торстенсонъ.—Я на пустяки не сержусь.

— И теперь сердитесь! Отчего же вы забыли про свое намѣреніе идти обѣдать къ Егору Филипычу.

— Да вы же копаетесь, да только вздоръ говорите.

— Резонабельно! отвѣтилъ Сухопарый. — Задерживать другихъ не слѣдуетъ, добавилъ онъ, накидывая на себя халатъ.

— Идемъ! и всѣ отправились черезъ оврагъ, къ хатѣ эскадроннаго командира.

Грустна бываетъ подъ часъ жизнь армейскаго офицера, въ особенности въ походѣ, на временныхъ квартирахъ.

Неподлежитъ никакому сомнѣнію, что можно ничего не дѣлать день, два, три, — пожалуй хоть толке мечтать на досугѣ; хорошо еще если натура мечтательная. Ну, посидишь сложа руки нѣсколько дней; чай, обѣдъ, ужинъ наполняютъ нѣсколько пустоту дня, а въ промежуткахъ между ними? скажутъ: мало ли что? ну говорить! Да вѣдь можешь все и переговорить; а вторыхъ можетъ случиться, что и говорить не съ кѣмъ? Вдругъ сойдутся двое, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго, напримѣръ, умный и пустой человѣкъ. Заприте ихъ вдвоемъ на долгое время—надоѣдать другъ другу до нельзя! Говорить долго вдвоемъ пустяки нельзя, а коли путнаго разговора завести невозможно, что тогда дѣлать? Для болтовни понадобится еще третье лицо, а его можетъ не случиться! Читать? въ походѣ можетъ не быть ни листочка печатной бумаги! Гулять? конечно, оно пріятно, да только не подъ сорока-градуснымъ жаромъ, когда развѣ служба только выгонитъ изъ хаты. Ну, въ карты играть; конечно, и

это занятіе и весьма употребительное, особенно у насъ въ арміи. Но нѣкоторые, даже и въ арміи, въ руки картъ не берутъ, что тѣмъ дѣлать? А потому я нисколько не осуждаю Сухопарого, который пилъ чай по два часа сряду, или Торстенсона, который штопалъ чулки и для пользы и для развлечения: надо же убивать время какъ нибудь!

Хата эскадроннаго командира была большая, свѣтлая и чистая, нѣсколько даже болѣе хаты Сухопарого и Торстенсона; полъ изъ плотно убитой глины и опрятно выметенъ; въ одномъ углу былъ накрытъ столъ, на четыре прибора, съ разнокалиберными ножами и вилками и большимъ штофомъ какой-то красноватой жидкости по срединѣ.

Въ другомъ, внутреннемъ углу, на постелѣ, лежалъ на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ, Егоръ Филиппычъ Дулинъ. Въ арміи доселѣ существуетъ еще патріархально-семейный обычай: офицеры постоянно обѣдаютъ у эскадроннаго командира.

— А, здравствуйте, Михайло Семенычъ! здравствуйте, Федоръ Карлычъ! Игнатъевъ! заговорилъ Егоръ Филиппычъ, поворачивая голову къ пришедшимъ, но не поднимаясь съ постели, и пожимая имъ руки.

— Что, Егоръ Филиппычъ, мечтаете, что ли? спросилъ Сухопарый, кладя фуражку и сядя у стола.

— Гдѣ тутъ мечтать, есть когда! просто думаю!

— Да чтоже вы думаете?

— Что думаю? а эскадронъ, это вѣдь, тово! сказалъ, качнувъ головой, Егоръ Филиппычъ, поднимаясь съ постели и направляясь, шаркая туфлями, къ столу. Его длинная неуклюжая фигура въ бѣлой одеждѣ и въ жидовскихъ пантуфляхъ была чрезвычайно смѣшна, но никто даже не улыбнулся, видно было, что къ ней привыкли. Охъ! вздохнулъ Дулинъ, сядя къ столу и наливая рюмку водки.

— Охъ! повторилъ онъ, и выпивъ залпомъ рюмку, сжалъ губы, выпучилъ глаза, устремивъ ихъ на Сухопарого, и взялся за кусокъ хлѣба; но только подержался за него и не закусилъ. Сухопарый молча смотрѣлъ ему прямо въ глаза и ждалъ, пока кончится эта церемонія. Брови наконецъ опустились; лицо Дулина приняло прежнее выраженіе и онъ, обращаясь къ Сухопарому, продолжалъ: да, эскадронъ! это, братъ, тово!

— Да что тово? хлопотъ много, что ли?

— Какъ не много! Ну вотъ вчера вечеромъ въ штабъ ѣздилъ:

— За чѣмъ?

— Да всѣ мы, эскадронные командиры, съ важнымъ и задумчивымъ видомъ добавилъ Дулинъ:—собирались о цѣнахъ по-толковать.

— Чѣмъ же вы порѣшили?

— Да сначала говорили и такъ и этакъ. Генералъ говоритъ, что кормы теперь дешевые, ну и цѣны предлагалъ такія несообразныя...

— Ну а вы что?

— Ну! а мы ему представили, что это...

— Несообразно съ вашими выгодами!

— Какія тутъ выгоды! Дай Богъ концы съ концами свести!

— Ну чтоже дальше? какъ же вы генералу представили?

— Ну да резонно представили, что это не тово!

— Да какъ же резонно, вѣдь кормы и въ самомъ дѣлѣ дешевые?

— Ну вотъ присталъ! горячась, сказалъ Дулинъ: — какъ представили? Да чтожъ, продолжалъ онъ: — мы болясы то точимъ, ужъ пора и червя заморить! Эй! Холоденко!

— Чего изволите? раздался голосъ за дверями и показался Холоденко въ деньщицкомъ мундирѣ, изъ толстаго армейскаго сукна, съ длинными фалдами, и въ бѣлыхъ чумацкихъ штанахъ, заправленныхъ въ сапоги. Мундиръ былъ растегнутъ и рубашка буфами торчала у пояса во всѣ стороны. Все, какъ мундиръ, такъ и прочее, было сильно поношено и грязно.

— Обѣдать! крикнулъ ему Дулинъ. Да ты ужъ, кажется, тово, у Жидовки побывалъ! Стекланному Богу прикладывался!

— Да никакъ нѣтъ, къ ней и не ходилъ! Да пропади она, анаема! Маговой росинки во рту не было.

— Не выпилъ! Да отчего это, медленно проговорилъ Дулинъ, поднося штофъ къ глазамъ: — сегодня утромъ былъ цѣлый, а теперь меньше половины?

— Да вы же изволили выпить!

— Когда же я пилъ?

— Да передъ чаемъ! да за чаемъ!

— Ну!

— Да потомъ, послѣ ученья, отъ жары потребовали!

— Ну!

— Да теперь! Пужна миѣ ваша водка, ворчалъ Холоденко:— да пропади она совсѣмъ, у Жидовки нѣтъ, что ли?

— Что?... протянулъ Дулинъ, но Холоденко былъ уже за дверями!

— Эхъ народъ! мыслилъ вслухъ Дулинъ, задумчиво мотая мохнатою головою:—то есть положитьсь не на кого.

Холоденко подалъ щи, Дулинъ потянулся опять къ водкѣ, приговаривая: по первой не закусываютъ.

— Это ужъ будетъ: по второй не закусываютъ! сказалъ Сухопарый.

— Что это вы, Михайло Семенычъ! обиженнымъ тономъ обратился къ нему Дулинъ. — Самъ не пьеть, и другимъ только мѣшаетъ! Да развѣ я двѣ выпилъ?

— Да, кажется, что двѣ!

— Ну вотъ, двѣ! ужъ у меня желудокъ мѣру знаетъ, ужъ третьей передъ шами не приметъ!

— Сегодня онъ у васъ разсѣянь!

— Нѣтъ, ужъ онъ у меня счетъ знаетъ, сказалъ Дулинъ, выпивая рюмку и вытаращивъ глаза. Ну, господа, милости просимъ! чѣмъ Богъ послалъ, продолжалъ онъ, и компанія принялась за пищу. Торстенсонъ и Сухопарый, особенно послѣдній, ѣли мало.

— Что это вы, Федоръ Карлычъ? аппетиту нѣтъ, чтоли? сказалъ Дулинъ, подымая голову: — ужъ про Михайла Семеныча и говорить нечего! этотъ ужъ, на этотъ счетъ, никуда негодится. Что вы, нездоровы, что ли?

— Нѣтъ, жарко, такъ, нехочется!

— Жарко! То не ѣдятъ, что жарко, то отъ того, что холодно! вотъ мы такъ, съ Игнатьевымъ, одни молодцы!

— На здоровье, сказалъ Сухопарый.

— На здоровье! какое тутъ здоровье, еще поясница проклятая мучить, да желудокъ, утромъ такъ, знаешь, не разогнуться; кабы не это, такъ еще поглядѣлъ бы, каковы мы.

Дулинъ, какъ большая часть людей, вышедшихъ изъ простаго званія, считалъ необходимою обязанностію жаловаться на разстроенное здоровье; по его понятіямъ, благородный или порядочный человекъ не можетъ быть совершенно здоровъ, и долженъ необходимо совѣтоваться съ докторами, что онъ и дѣлалъ постоянно. Несмотря на это, пить и ѣсть за четверыхъ разстроенное здоровье ему нисколько не мѣшало.

— Да, продолжалъ Дулинъ: — посмотрѣли бы, каковъ я былъ въ ваши то года! а теперь вотъ съ докторами все и со-вѣтуйся. Вотъ и вчера утромъ въ штабъ ѣздилъ.

— Да вѣдь старшій докторъ боленъ?

— Тотъ боленъ! къ младшему ходилъ, къ Мацкевичу.

— Что жь тотъ посовѣтоваль? вѣрно по третьей не заку-сывать!

— Хорошо, кабы и это; а то въ восемь часовъ утра захо-дилъ, а онъ ужь носъ на кинту повѣсилъ!

— Что, ужь пьянъ?

— Да, ужь готовъ былъ совсѣмъ! я къ нему подхожу, гово-рю: Илья Ильичъ, полечи ко мнѣ брюхо, не въ порядкѣ что то; да и поясицу ломить... а онъ только рукой машетъ, да ворчить: плюнь на его! вздоръ не болитъ, право это такъ упрямится

— Да, какое упрямится! погляди, брюхо какъ барабанъ, а онъ только: плюнь, плюнь! да тутъ и рукой махать пересталъ. Торстенсонъ, Сухопарый и Игнатъевъ захохотали.

— Да какъ же они тамъ съ больными то дѣлаются? сказалъ Сухопарый:—вѣдь ихъ теперь до сто-пятидесяти человекъ!

— Да какъ! фершалъ поить какой то темной водицей, да поменьше ѣсть даютъ, ну и выздоравливаютъ.

— Хорошо, если только водицей, а если дѣйствительно ле-карствомъ, да не впадать!

— Ну, Богъ хранить, замѣтилъ Дулинъ:—смертности почти нѣтъ; а кабы безъ этого съ Мацкевича, какъ съ козла молока.

— Что съ тобой, Федоръ Карлычъ, какую ты гримасу со-строилъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Торстенсону.

— Какъ вы некрасиво кушаете! сказалъ тотъ.

— Какъ некрасиво? право, въ толкъ не возьму, какъ это можно красиво ѣсть.

— Да вотъ, сказалъ Сухопарый: — вы заговорились, а щи у васъ текли по бородѣ...

— Это на нервы дѣйствуетъ! сказалъ Торстенсонъ, отодвигая отъ себя ложку.

— Вотъ что! съ удивленіемъ сказалъ Дулинъ: — да вѣдь это не тебѣ въ тарелку? ну и ѣшь! кто тебѣ мѣшаетъ? брюзгливъ больно. На нервы дѣйствуетъ. Нѣтъ, братъ, не военный вы че-ловѣкъ послѣ этого, Федоръ Карлычъ!

— Ну, какъ невоенный, какъ невоенный, ктожь я? горя-чась, сказалъ Торстенсонъ.

— Да такъ ужь, нашему брату нервами заниматься не слѣдъ; особенно въ походѣ, ужь ихъ не должонъ имѣть.

— А что, Егоръ Филипычъ, съ невиннымъ гидомъ спросилъ Сухопарый:—а у васъ нервы есть?

— Выдумаль! какіе тутъ нервы, этого только не доставало; тутъ и съ поясницей не знаешь какъ раздѣлаться, а будь ко нервы, такъ и на свѣтѣ не живи. Нѣтъ, благодаря Бога, нѣтъ. Да ужь ты, Федоръ Карлычъ, рѣшительно сказалъ Дулинъ:—не обижайся, а ужь я тебѣ скажу, ужь коли у тебя есть нервы, не военный ты человекъ!

— Совершенно согласенъ, сказалъ Сухопарый. — За чѣмъ военному человекъ нервы имѣть.

— Да зачѣмъ! совсѣмъ не зачѣмъ: вотъ у бабья ужь больше нервовъ, да и то это отъ воображенія мыслей. Вотъ у жены тожъ, знаешь, все нервы, какъ замужъ вышла, а теперь, тово, ничего...

— Что же? тоже нѣтъ нервовъ и у нее? спросилъ Сухопарый.

— Нѣтъ; вывелъ, нѣтъ и у нее.

— Да какъ это вы вывели у жены нервы?

— Да ужь такъ—нѣтъ теперь! А то бывало: таракана увидить и затрясется вся; муха въ супъ попадетъ — бѣда, а вздумай при ней деньщика поколотить, она и плачетъ тутъ и хохочетъ — все нервы, да нервы! А теперь нѣтъ, прошли.

— Да какъ это вы ихъ вывели,—вотъ что любопытно?

— Какъ вывелъ? вывелъ, про-то я знаю!

— Да какъ? приставаль Сухопарый:—душенька, Егоръ Филипычъ, скажите, какъ вы у жены нервы вывели?

— Вотъ присталь, прости Господи; будешь много знать, скоро состариться.

— А вотъ чѣмъ я васъ попотчую нынче, продолжалъ Дулинъ, перемѣняя разговоръ: — ужь вѣрно не знаете?

— Знаемъ, сказалъ Сухопарый:—вы двухъ дрохвъ купили.

— Да! Какъ то мой Холоденко ихъ изготовить! Эй, Холоденко! заснулъ, чтоли? закричалъ Дулинъ.

Долго небыло отвѣта, наконецъ Холоденко явился, но съ пустыми руками, на губахъ у него была веселая улыбка.

— Чтожъ ты, тамъ спишь! сурово сказалъ Дулинъ:—давай, что есть!

— Да что давай? давать то нечего!

— Да что съ тобой? съ ума ты спятилъ, что ли, сего дня!

— На ко, поди, поймай ихъ! продолжалъ Холоденко: — а они убѣжали.

— Что-о? раздувая ноздри, вымолвилъ Дулинъ.

— Да, убѣжали, дрохвы то! а и прытки жь, собаки, прибавилъ Холоденко и засмѣялся:—я ихъ въ садъ пустилъ, думаю: ужотка башки вамъ, передъ обѣдомъ, посворачиваю! А онѣ то, плетень, вишь, былъ разломанъ, да туда; я—держи, держи! куда! прытки собаки; а ужъ и драли, знай только крыльями подмахиваютъ...

Въ хатѣ водворилось молчаніе, Холоденко пересталъ говорить и только улыбался, видимо отъ пріятнаго воспоминанія какъ убѣгали дрохвы. Дулинъ сидѣлъ нахмурясь, грудь его высоко поднималась, видно, что буря готова была разразиться; молчаніе продолжалось долѣе, нежели ожидалъ Холоденко, потому что, полагая, что все уже кончено, подошелъ къ столу, собралъ тарелки, поставилъ одну на другую и хладнокровно направился къ дверямъ, ворча: «ишь, быстры! поди излови.»

Наконецъ Дулинъ не вытерпѣлъ: вскочилъ, какъ будто кто его кольнулъ, и бросился къ Холоденкѣ; но тотъ уже исчезъ. Грозно поглядѣлъ на двери Егоръ Филипычъ и медленно повернулся къ офицерамъ; лицо его было сердито, онъ судорожно подергивалъ усами.

— Ну вотъ и убѣжали! началъ онъ выразительно показывая огромнымъ перстомъ на выходъ изъ хаты.

— Нѣтъ, ужъ, оно, тово, я ему баню пропишу! безпремѣнно пропишу.

— Охота вамъ, Егоръ Филипычъ, сказалъ Сухопарый, сердиться за всякій вздоръ.

— Да ты самъ посуди, Михайло Семенычъ! горячася заговорилъ Дулинъ:—ну ты хочешь чего нибудь въ желудокъ положить, ужъ и брюхо-то твое къ тому приготовилось, а тутъ на, убѣжали. Нѣтъ, ужъ какъ ты себѣ хочешь, а съ этакимъ нарѣдомъ безъ строгости нельзя! добавилъ Дулинъ уже гораздо тише и сядясь на прежнее мѣсто.

Въ хатѣ опять водворилось молчаніе. Офицеры, видя, что хозяинъ еще находится подъ впечатлѣніемъ бѣгства дрохвъ, взялись за фуражки.

— Ну да куда же, Михайло Семенычъ! Федоръ Карлычъ! посидите съ часокъ; побесѣдуемъ, все оно, знаешь, съ людьми то

огорченіе легче сносить, тоску чувствовать. Ну его, стараго дурака, и пальцемъ не трону, уговаривалъ ихъ Дулинъ.

— Благодарю васъ, Егоръ Филинычъ! протягивая ему руку отвѣчалъ за всѣхъ Сухопарый. Время и на бокъ, а тамъ можетъ быть вечеркомъ зайдемъ опять.

— Ну какъ знаете! сказалъ, надувшись, Дулинъ. Не осудите, не я виноватъ, коли сыты не были.

Было уже часовъ семь по полудни, солнце склонилось къ западу. Небо стало темнѣе, въ воздухѣ повѣяло вечерней прохладой. Все ожило, все выѣхало изъ хаты на улипу, вездѣ слышится говоръ, лошади идутъ съ водопоя, впереди всѣхъ гнѣдой не очень статистый конь идетъ одинъ, держа въ зубахъ поводъ отъ другой лошади. Онъ, какъ будто гордится оказаннымъ ему довѣріемъ, и двигается скромною, тихою поступью, тогда какъ та и вертится и прыгаетъ во всѣ стороны. Сухопарый и Торстенсонъ сидѣли передъ хатой на заваленкѣ и курили.

— Вотъ мой Пивоваръ идетъ! сказалъ Сухопарый, смотря на лошадей.—экая умница! продолжалъ онъ, подходя къ нимъ: — вѣдь ужъ ни за что не упустишь повода, а дай-ко идти одному, такъ потомъ и не поймашь! Конь приостановился, видно, что голосъ былъ знакомый, и поворотилъ къ Сухопарому голову; тотъ потрепалъ его по длинной шеѣ, и лошади опять тронулись.

Сухопарый сѣлъ около Торстенсона; молчаніе водворилось снова.

Вскорѣ послышался подъ горою конскій топотъ и изъ за избъ выскочилъ верхомъ молодой офицеръ; онъ круто повернулъ коня къ офицерской хатѣ, и ловко соскочилъ съ него.

— А! въ одинъ голосъ, заговорили Сухопарый и Торстенсонъ, подымаясь съ своихъ мѣсть.

— Жорженька! откуда Богъ несетъ?

— Изъ штаба, отвѣчалъ, пріѣзжій радостно отвѣчая на привѣтствія.

— Экъ вы коня то заморили, плохой же кавалеристъ! сказалъ Сухопарый: — вѣрно ужъ дулъ и въ хвостъ и въ гриву? Смотрите, какъ онъ боками водить.

— Нѣтъ, всего только два кончика задалъ! Да это для васъ старался, милый мой, скавалъ пріѣзжій, обвиняя Сухопараго.

Это былъ молодой человекъ, или вѣрнѣе мальчикъ, лѣтъ восьми-надцати, только что произведенный въ офицеры, по фамилии Кругликовъ, баловень цѣлаго полка.

— Какъ для меня? сказалъ Сухопарый:—да неужели успѣли дѣло устроить?

— Не только успѣли и приказъ написать, я сейчасъ у адъютанта былъ, со сна его поднялъ, а онъ сегодня цѣлую ночь не спалъ, и заставилъ таки сейчасъ приказъ написать, при мнѣ, а то вѣдь забудеть. Ничего, послѣ выспится; нарочно вѣдь изъ эскадрона десять верстъ до штаба сдѣлалъ, а вы знаете какъ я нетерплю въ штабъ ѣздить; да изъ штаба сюда верстъ двѣнадцать, все вѣдь по какой жарѣ, оттого и голубчика заморилъ. За то, заключилъ онъ, мы таки васъ въ свой эскадронъ перетащили.

— Спасибо, душенька! сказалъ Сухопарый, пожимая съ чувствомъ руку Жорженьки:—нарочно поѣду въ городъ и куплю вамъ за это пряничка; паинька мальчикъ!

— То-то паинька; ну кто бы для васъ сталъ по жарѣ таскаться.

— Нѣтъ, дѣйствительно спасибо вамъ! сказалъ серьезно Сухопарый:—оно таки правду сказать, и самому хотѣлось къ вамъ въ эскадронъ; тѣмъ пріятнѣе, что дѣло обошлось безъ просьбъ съ моей стороны.

— Ну, что подѣлываетъ мой добрый другъ Юлій Петровичъ, давненько ужъ я его не видалъ, недѣли три; вотъ то обрадуется какъ явлюсь сегодня.

— А вы со мной поѣдете? спросилъ Кругликовъ.

— Да, отчего же, если соберусь, такъ поѣдемъ, ночи теперъ свѣтлыя.

— Дѣло, а теперъ чаю давайте! Ну а вы что, Федоръ Карлычъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Торстенсону.

— Да ничего, сижу, хожу, сплю и ѣмъ только.

— Да какой вы скучный, право когда у меня лошадь издохла, такъ я былъ веселѣе, а все оттого, что сидите вотъ въ вашемъ эскадронѣ, съ Дулинымъ, девяносто лѣтъ, перемѣны никакой; смотрите вотъ вспомните мое слово, еще годикъ, также будете толковать «по первой не закусываютъ», да передъ чаемъ водку пить.

— Нѣтъ, не хочется эскадрона бросать, сказалъ Торстенсонъ.

— Да что вамъ эскадронъ, и въ другомъ тоже: и лошади есть и люди есть, такъ вотъ, хандрите только.

Торстенсонъ задумчиво улыбнулся и замолчалъ.

Между тѣмъ подали чай, компанія усѣлась со стаканами на свѣжемъ воздухѣ. Стало уже темно, даль скрылась, на небѣ зажглись звѣзды, говоръ въ деревнѣ опять сталъ стихать.

Офицеры весело болтали, походный самоварчикъ уже наставлялся другой разъ, какъ явился посланный отъ капитана съ приглашеніемъ ужинать.

— Кстати надо будетъ и расчитаться съ нимъ за лошадей, за послѣдній мѣсяцъ, сказалъ Сухопарый:—я еще ему долженъ.

— Ну, что знаменитый Холоденко? спросилъ Кругликовъ.

— Да все по прежнему, рѣдкой день безъ исторіи, я даже думаю, что и теперь какая нибудь да разыграется, его что-то нѣтъ: Дулинъ присылалъ солдата звать ужинать. Однако, пойдемъ, пора, прибавилъ Сухопарый, поднимаясь съ мѣста, и всѣ направились чрезъ оврагъ къ хатѣ эскадроннаго командира.

Егоръ Филипычъ также сидѣлъ передъ своей избой, на заваленкѣ, сложивъ руки на животъ и подавшись впередъ верхнею частью тѣла. На немъ вмѣсто халата, накинута была старая, чрезвычайно поношенная, холодная шинель, а на ногахъ тѣже жидовскія туфли, на головѣ было фуражки.

— А, Егоръ Васильевичъ! заговорилъ онъ, приподнимаясь увидя приближавшихся офицеровъ:—какъ вы поживаете, какъ къ намъ залетѣли?

Кругликовъ вѣжливо, хотя нѣсколько и спѣсиво, поклонился Дулину и подаль ему руку, который сильно потрясъ ее.

— Изъ штаба пріѣхалъ, Егоръ Филипычъ.

— Ну, что тамъ новаго!

— Да ничего, вотъ Михайла Семеныча къ намъ въ эскадронъ перевели.

— Бога, ты не боишься Михайло Семенычъ, съ упрекомъ сказалъ Дулинъ. Да развѣ тебѣ худо у насъ, вѣдь вотъ только къ человѣку привыкнешь, а онъ и вонь! Ну, что тебѣ въ 6-й эскадронъ загорѣлось, эхъ ты, право!

— Полноте Егоръ Филипычъ! сказалъ Сухопарый:—я и не думалъ проситься, потому что никуда не прошусь; впрочемъ, за вашъ упрекъ, спасибо вамъ: значигъ, расположены ко мнѣ, а я цѣню это, еще спасибо вамъ, говорилъ онъ; протягивая руку Дулину.

— Съ спасибо-то съ своего не шубу шить, отвѣчалъ Дулинъ, взявъ его за руку:—вотъ только одинъ Федоръ Карлычъ мнѣ не

измѣняетъ, а ужь правду сказать, вотъ кому спасибо, хотъ и Нѣмецъ, а хорошій человѣкъ.

— Какой я Нѣмецъ! какой Нѣмецъ! тотчасъ всплывъ, заговорилъ Торстенсонъ.

— Ну не Нѣмецъ, Шведъ, одного поля ягода, входя въ прежнюю колею, сказалъ Дулинъ:—оно по моему и все равно, развѣ Нѣмецъ будетъ потемнѣе маненько, а Шведъ по свѣтлѣе, все вишь тамъ бѣлобрысые, да и по крѣпче Нѣмцевъ; я вотъ какъ въ Выборгъ ѣздилъ, такъ сидѣлъ ихъ много, въ вашей Финляндии. Да у нихъ языка пѣтъ, что ли? все, знаешь, въ глаза тебѣ смотреть и молчать,—скупы на слова.

Услышавъ про Финляндію, Торстенсонъ задумался, а Дулинъ продолжалъ:

— А я бы тамъ соскучился, все камень, да камень, а люди просто тебѣ ничего не говорятъ, а вотъ, поди, Федору Карлычу нравится.

— Свое такъ и нравится, сказалъ Сухопарый:—а въ своемъ родномъ у Федора Карлыча много хорошаго, даже и для посторонняго! Торстенсонъ тяжело вздохнулъ и не отвѣчалъ ничего.

— Да, что это, куда Холоденко пропалъ? вдругъ перемѣнивъ разговоръ, сказалъ Дулинъ.

Сухопарый толкнулъ локтемъ Кругликова, тотъ кивнулъ головой, въ знакъ, что понимаетъ.

— Эй, Михайло! крикнулъ Дулинъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, отвѣчалъ вѣстовой, котораго какъ будто, вытолкнули изъ хаты, застегивая на бѣгу шинель и гремя шпорами.

— Сходи ко, ты, тово, крутя усы и не смотря на него, сказалъ Дулинъ, туда, къ Жидовкѣ, ужь тотъ старый, Холоденко, тамъ вѣрно; притащи ко его сюда, да въ шею! слышишь въ шею! вдругъ крикнулъ Дулинъ.

— Слушаю, ваше благородіе, на бѣгу отвѣчалъ вѣстовой и исчезъ.

Дулинъ потупилъ голову, воцарилось совершенное молчаніе. Вдругъ бряцнули опять шпоры и изъ темноты выступила высокая фигура въ солдатской шинели и въ фуражкой съ рукѣ. Вытянувшись передъ капитаномъ, фигура какъ будто умерла, ни малѣйшимъ движеніемъ не показывая признаковъ жизни. Сзади заторчали двѣ каски дежурныхъ, которые какъ будто выросли изъ земли. Дулинъ поднялъ голову.

— Ты вахмистръ! спросилъ онъ.

— Я, ваше благородіе, бойко отвѣчала фигура, но тѣло было жертво по прежнему.

— Ну, что?

— Все обстоитъ благополучно, ваше благородіе.

— А ѣздилъ ты сѣно смотрѣть?

— Ъздилъ, ваше благородіе, съ Анучинымъ, сейчасъ только пріѣхали.

Около вахмистра выросла вдругъ еще фигура, только по меньше, и заговорила вдругъ тонкимъ голосомъ, скороговоркой: «я еще утресь смотрѣль, ваше благородіе, сѣно хорошее, отличное, тамъ съ Молдаванами торговались, торговались, ваше благородіе!

— Затрещалъ, строго замѣтилъ Дулинъ. Ссдаты исчезъ.

— Ну что же? продолжалъ капитанъ, обращаясь къ вахмистру.

— Купили, ваше благородіе, сажень.

— Чтò дали?

— Пятнадцать карбованцевъ!

— Пятнадцать? Ну, это еще не тово, чтобы очень дорого, съ разстановкой сказалъ Дулинъ.

— Ужь я, ваше благородіе, опять заговорилъ тонкій голосокъ:—ужь Молдованамъ то говорилъ, говорилъ, что вотъ молъ не отдадите, за пятнадцать карбованцевъ, ваше благородіе, ула ны придуть за нами, ваше благородіе, все даромъ возьмутъ.

— То-то вы честной народъ, ласковѣ перервалъ его Дулинъ.

Ну, протяжно продолжалъ онъ обращаясь опять къ вахмистру, завтра это сѣно поднять; что бы всѣ были готовы въ пять часовъ утра, оставить только унтеръ-офицерскихъ и карабинерныхъ лошадей, остальное по прежнему.

— Ну еще что? глубокомысленно добавилъ Дулинъ:—давать прежнюю дачу.

— Маловато будетъ, ваше благородіе, чуть слышно вымолвилъ вахмистръ.

— Что! крикнулъ Дулинъ.

— Худоконныхъ лошадей много, ваше благородіе, а на десяти фунтахъ трудно поправиться, ваше благородіе, рѣшившись, вымолвилъ вахмистръ.

— Чтò, чтò ты поешь? десять фунтовъ мало, казенная дача! худоконныхъ много, ахъ ты!... Явишь не кормлю, а какъ выведу

всѣхъ у кого художонныя, да хорошенько выпишу, такъ не будетъ художонныхъ! Порядочный солдатъ коня бережетъ, благоговорить, для него изъ земли всего достанетъ. А ты не вахмистръ, бабаслюнявая, эскадронъ обабилъ, духу нѣтъ, внушенья нѣтъ никакого! Въ этой сторонѣ сѣна да кукурузы куда хошь посмотри, во всѣ стороны, вездѣ есть.

— Ну, такъ, вдругъ переѣннвъ тонъ, продолжалъ Дулинъ: — завтра быть готовымъ къ пяти часамъ. А о прибавкѣ потолкаемъ послѣ. Вахмистръ щелкнулъ шпорами и удалился.

Передъ капитаномъ стояли дежурные.

— Ну, а вы у меня смотрѣть, чтобы ночью тихо было.

Да кто это вчера у меня подъ окномъ музыканилъ ночью? Цѣлую ночь. «Внизъ по матушкѣ» на дудкѣ.

— Не могу знать, ваше благородіе, отвѣчалъ дежурный.

— Ну да я узнаю! Маршъ, да чтобъ тихо было. Дежурные удалились.

— Ну, ударъ, ударъ; молокосось, щенокъ ты этакой, ну ударъ. Да нѣтъ, отставъ, самъ пойду, послышалось вдругъ за деревьями.

— Что, это ей Богу, свѣжимъ воздухомъ не дадутъ подышать, обиженнымъ тономъ говорилъ Холоденко, выходя изъ-за деревьевъ и входя въ яркую полосу свѣта, отъ зажженной, въ это время, свѣчи въ хатѣ. Что это, умирай у порога, подышать, провѣтриться не дадутъ.

Холоденко былъ на этотъ разъ въ высокой деньщицкой шапкѣ, но во всемъ бѣломъ безъ своего мундира. Физиономія его впервые не улыбалась, на лицѣ было написано, что онъ глубоко обиженъ, усы какъ то кисло опустились къ низу вмѣстѣ съ углами рта.

— А у тебѣ только чистый воздухъ у Жидовки? тамъ только ты и дышишь? закричалъ на него Дулинъ: — я вотъ тебя вывѣртю.

— Да, заговорилъ опять опьянѣвшій и выведенный изъ себя Холоденко. Да, у Жидовки былъ, самъ пошелъ, подышать захотѣлъ, надоѣло сидѣть, ваше благородіе, надоѣло. Выпилъ, на рубль выпилъ! и уйду, опять уйду, басомъ почти заворчалъ Холоденко.

— Не уйдешь! сказалъ Дулинъ.

— Михалюкъ! крикнулъ Егоръ Филипычъ.

— Чего изволите, ваше благородіе!

— Возьми ко ты стараго дурака, протяжно и не смотря на него, сказалъ Дулинъ. Да запри въ хату, а коли артачиться будетъ, связать и спать положить.

— Ну, дяденька, поидемъ те, уговаривалъ Михалюкъ Холоденку, беря его осторожно подъ локоть и уводя въ хату.

— Чрезъ минуту опять послышался голосъ Холоденко: «ахъ ты Фараонъ, жандаръ полицейскій, кричалъ онъ на Михалюка. Связать, ну чего не вяжешь, вотъ и веревочки есть: и большая есть и маленькая есть.... Здѣсь его голосъ затихъ.

— Однакожь, чтожь мы сидимъ! вдругъ прервавъ молчаніе, сказалъ Дулинъ! — оно, тово, пора и червя заморить, добавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Офицеры отправились за нимъ.

Въ хатѣ уже было накрыто на столъ; по прежнему посреди приборовъ стоялъ штофъ красноватой водки, къ которому потянулся Дулинъ, приговаривая:

— Эка компанія собралась! ну, хоша бы одинъ водку пилъ, а еще офицеры! на войнѣ, знаешь, и водки непить!

— Кажется, что эта компанія у васъ все таки аппетита на водку не отбиваетъ, сказалъ Сухопарый:—вы такъ постоянно по первой не закусываете.

— Да оно и резонно, надо помощь желудку дать, отвѣчалъ Дулинъ, выпивъ рюмку водки и подержавшись за хлѣбъ: — да ты самъ посуди, Михайло Сименычъ, вѣдь и колеса мажутъ, на намазанныхъ далеко неуѣдешь, особливо какъ путь дологъ; ну а мое брюхо давно работаетъ, задумчиво прибавилъ Дулинъ: — надо и ему руку подать, а то своими способами ему, тово, ужъ съ пищей не совладать.

— Да отчего же вы постоянно лѣчитесь, коли водку пьете? сказалъ Сухопарый:—вотъ мы съ Федоромъ Карлычемъ водки не пьемъ, а какъ бы не сглазить, не лечимся! чего намъ здоровѣть!

— Нѣтъ, Михайлъ Семенычъ отвѣчалъ Дулинъ:—ужъ какъ я на тебя посмотрю, такъ, право, всегда думаю: въ чемъ то въ тебѣ душа держится! еще теперъ, тово, попривыкъ, а то какъ первый разъ тебя увидалъ: сухой ты, да желтый, да черный, ну, то есть, просто какъ изъ госпиталя только; а поздоровался, да взялъ тебя за руку, ну какъ будто курицу за лапу взялъ!

Всѣ захохатали, не исключая и Сухопараго.

— Что дѣлать, не толстъ, сказалъ онъ: — зато и фамилія у меня такая, по шерсти кличка!

— А и въ правду. А что у васъ, пожалуй, и папенька и маненька такіе? спросилъ Дулинъ.

— Да, у меня въ роднѣ толстыхъ нѣтъ, всѣ худы.

— Экое несчастіе! съ соболѣзнованіемъ и качая головой, сказалъ Дулинъ.

— Да какое же тутъ несчастіе? спросилъ Сухопарый.

— Пожалуй, что несчастія тутъ и нѣтъ! глубокомысленно отвѣтилъ Дулинъ: — а все таки, знаешь, какъ на костяхъ то больше, такъ оно, и, тово, виду больше!

— Согласенъ! за то, какъ на костяхъ меньше, самому легче. Вы вѣдь видѣли, что мнѣ въ походѣ во всякую погоду хорошо, даже и въ жаръ — устаю то нескоро, сами знаете; а боленъ, благодаря Бога, въ походѣ небылъ.

— Оно то такъ, я, было, сначала думалъ, что ты это все черезъ силу, а потомъ вижу ничего — идешь; а все таки какъ хошь, у тебя должно быть нутро болить.

— Нѣтъ, не болить, какъ бы болѣло, такъ бы столько невытерпѣлъ.

— Не болить! это такъ, незамѣчаешь, да ужь коли ты такой худой да желтый, ужь нутро видно не въ порядкѣ! а что, кабы тебѣ полечиться.

— Отъ нутра?

— Да, право, потолстѣлъ бы маненько!

— Нѣтъ! я свою натуру знаю, сказалъ Сухопарый: — лечиться мнѣ нечего. Да знаете, даромъ что у меня такая фигура, а я такъ болѣе васъ вынесу, — такіе, какъ вы, чаще болѣютъ; а лихорадки, да разныя другія болѣзни къ такимъ, какъ вы, скорѣе пристають. Худенькая натура, какъ говорится, скрипитъ да живетъ, а такихъ, какъ вы, сразу свалить, да поминай какъ звали!

— Что ты, Богъ съ тобой! выпучивъ глаза, сказалъ Дулинъ: — ужь такъ вотъ сразу и свалить! ужь и лекарства не помогутъ, продолжалъ онъ, переставая ѣсть.

— Что, небось, испугались? смѣясь, сказалъ Сухопарый: — оттого такіе, какъ вы, чаще и болѣютъ, что пугаются больше!

— А это отъ воображенія мыслей, а не отъ натуры, вздохнувъ, сказалъ Дулинъ, опять принимаясь за пищу: — а я было того.

— Умирать небось не хочется,—видно денегъ много?

— Кому хочется!

— Да ужъ если умирать, живо сказалъ Кругликовъ: — такъ ужъ лучше теперь, въ военное время, въ полѣ, чѣмъ отъ болѣзни.

— Ну оно, того, и тамъ не сладко, сказалъ Дулинъ: — оно какъ выйдешь, еще и сабли не вынялъ, а тутъ тебѣ кишки и выпустили! Нѣтъ, оно того, лучше жить.

— А что? спросилъ Кругликовъ:—я бы хотѣлъ знать, что то чувствуешь, какъ первый разъ въ дѣло попадешь? каково то первое впечатлѣніе?

Кругликовъ, какъ и всѣ, очень еще юныя природы, былъ чрезвычайно впечатлительнень, воображеніе у него работало постоянно, и этотъ вопросъ сильно занималъ его, какъ и весьма многихъ, по мѣрѣ сближенія съ мѣстомъ военныхъ дѣйствій. Онъ и страстно желалъ въ бой и виѣсть съ тѣмъ что то бѣгало по нервамъ при мысли о пуляхъ и ядрахъ.

— Вы вѣдь были въ дѣлѣ, Егоръ Филипычъ? продолжалъ Кругликовъ:—ну каково первое впечатлѣніе?

Егоръ Филипычъ положилъ свои кулаки, вооруженные ножомъ и вилкой на столъ, и прожевавъ кусокъ, только что положенный въ ротъ, отвѣчалъ:

— Я, изволишь ли видѣть, Егоръ Васильичъ, точно былъ въ дѣлѣ, давно ужъ, въ тридцатомъ году, подъ Волей, когда на Поляка ходили; былъ я тогда еще молодой солдатикъ.

— Ну, чтожъ вы чувствовали? съ участіемъ спрашивалъ Кругликовъ:—ну каково первое впечатлѣніе?

— Да впечатлѣнія-то не чувствовалъ, а какъ оно, тово, знаешь, выѣхали впередъ, шпоры то звенѣли, ничего, то есть, передъ собой не вижу, да и не гляжу; какъ «маршъ—маршъ!» скомандовали, я и саблю не вынялъ. Стоялъ я, знаешь, во второй шеренгѣ, да за поводья обѣими руками, тпру, тпру; а лошадь то моя, знай, со всѣми дереть. Проскакали, говорятъ и конецъ, а я и не видалъ ничего, а впечатлѣнія не было, не замѣтилъ.

Всѣ засмѣялись. Кругликовъ не былъ удовлетворенъ рассказомъ Дулина.

— Да я все-таки хотѣлъ бы, допытывался онъ:—хорошенько разспросить у бывалаго человѣка, каково то первое впечатлѣніе, какъ ядро увидишь?

— Да вотъ, сказалъ Дулинъ: — былъ я, знаешь, недавно въ Текучѣ; надо тамъ было Александрійскаго листу купить, въ полковой аптекѣ было мало, ну да и самому въ городѣ побывать захотѣлось. Приѣхалъ я въ городъ и пошелъ пообѣдать; выпилъ рюмку водки, да принялся ѣсть, а тамъ все, знаешь, на салѣ — нехорошо! Я и смотрю, нѣтъ ли съ кѣмъ словомъ перекинуть. А отъ меня такъ не подалечку знаешь, сидитъ въ солдатской шинели какой-то пѣхотный капитанъ и рука на перевязкѣ, а около нѣсколько человѣкъ молодежи; и я подсѣлъ: ну, здравствуй! здравствуй! Капитанъ, изъ подъ Силистріи, тамъ ему руку ранило, въ отпускъ ѣхалъ. Онъ тутъ все рассказываетъ. Вотъ его, какъ ты меня, спрашиваетъ, гусарикъ какой-то молодой: каково, молъ, первое впечатлѣніе? А тотъ ему и объяснилъ, резонно знаешь, объяснилъ: «пришли, говорить, мы подъ Силистрію, постояли, вотъ и меня съ ротой впередъ шлютъ, на сутки — какъ его — въ траншею. Это, говорить, было ужъ рукой подать до Турокъ, слышно какъ тамъ говорили. Вотъ, говорить, пришли мы ночью, темно, скверно, грязно и холодъ тебя пронимаетъ. Я, говорить, сѣлъ у стѣнки спиной, солдаты на право и на лѣво, тоже сидятъ; я, говорить, и задремалъ. Вотъ слышу, говорить, кричатъ намъ оттуда: Эй, забалканцы, вы пришли?—Мы! солдатикъ отвѣтилъ. Вишь больно рано! Да все, знаешь, по русски, да чисто. Что говорить, голодны? Да, говоримъ, не сыты! Ночью, знаешь, какъ не спишь ѣсть и хочется. Да вотъ вамъ булочка! да затѣмъ, булку, знаешь, со штыка и перекинулъ къ нашимъ, солдаты сѣли, да спасибо Турку сказали. А тотъ, говорить: а вотъ вамъ еще, Еще кинулъ, и ту сѣли; а вотъ еще! солдаты, знаешь, руки и разставили, а онъ имъ гранату на мѣсто булки и пустилъ. Какъ она шлепнется, говорить, да противъ меня; солдаты врозь, а я, говорить, такъ и не поднялся: ну нѣтъ ногъ, а смотрѣть, знаешь, не могу; да, говорить, только отъ нее, какъ малый ребенокъ, рожу отворотилъ, да лбомъ въ землю и уткнулся, такъ, говорить, и остался. Сидѣлъ, говорить, ужъ долго ли коротко не помню. А какъ опаматовался, да говорить, черезъ плечо по маненьку и гляжу на нее; вотъ взорветъ думаю; нѣтъ, говорить, не рветъ; еще, говорить, голову повернулъ, да ужъ и совсѣмъ поглядѣлъ на нее, а она, знаешь, завертѣлась да и попади въ грязь, да тамъ, знаешь, и потухла, заглохла, не взорвало. А онъ, знаешь, солдаты говорили, съ полчаса этакъ сидѣлъ мордой-то въ землю. Да

потомъ вотъ съ этакимъ рогомъ на лбу, — тутъ Дулинъ приподнялъ руку на вершокъ отъ лба, — двѣ недѣли ходилъ». Вотъ тебѣ и первое впечатлѣніе.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, конечно, продолжалъ Дулинъ: — какъ двѣ недѣли этакое впечатлѣніе носишь, ну, и помнишь; а со мной этого не было, совсѣмъ никакимъ манеромъ не тронуло, такъ я и не знаю.

— Однако, уже десять часовъ, сказала Сухопарый. — Мнѣ надо кое-какіе счета свести съ вами, Егоръ Филипычъ, а потомъ и въ путь.

— Да, да! подхватилъ, приподнимаясь, Кругликовъ:— время, намъ верстъ десять еще сдѣлать надо.

— Такъ вы таки ѣдете, Михайло Семенычъ? сказалъ Дулинъ.

— Ёду, Егоръ Филипычъ! Еще разъ благодарю за ласки, а перевели, такъ отправлюсь по назначенію.

— Съ Богомъ! насупивъ брови, сказалъ Дулинъ. — А счета наши не велики: всего за одинъ мѣсяць.

Офицеры взяли за фуражки, пожали мощную длань Дулина и удалились. Сухопарый остался сводить счета съ капитаномъ.

— Ну, Егоръ Филипычъ, что же за мной числится? сказалъ первый.

Тотъ видимо медлилъ, искалъ сначала бумаги, потомъ карандаша, наконецъ взялся за кусокъ мѣла и сталъ выводить какія-то каракули на столѣ. Сухопарый, облокотившись на столъ, флегматично смотрѣлъ на рѣшеніе многотрудной работы.

— Два да два, четыре, да два въ умѣ, итого шесть! вслухъ считалъ Дулинъ.

Наконецъ одолѣлъ всѣ цифры, посмотрѣлъ, прибавилъ еще для круглоты единицу, потомъ 50 коп., посмотрѣлъ на написанное, стеръ все и приподнявъ глаза, вдругъ спросилъ Сухопараго:

— Такъ сегодня ѣдешь, Михайло Семенычъ?

— Сегодня.

— Экъ тебѣ приспичило, темно вѣдь.

— Что за темно, — сегодня луна.

— Ну, такъ вотъ мы и порѣшили: приходится мнѣ съ вась получить всего за мѣсяць и два дня, за тройку лошадей, растягивая слова, продолжалъ Дулинъ:— 28 руб. 57 коп. сер., ну, да для круглоты 28 руб. 50 коп.

— То есть, сказалъ Сухопарый: — по 9 руб. 50 коп. за лошадь.

Сухопарый молча полѣзъ въ карманъ и сталъ считать деньги. Дулинъ обратился весь въ зрѣніе при видѣ полуимперіаловъ; ассигнаціи въ Молдавіи не ходили.

— Потрудитесь мнѣ сдать сдачи, сказалъ Сухопарый.

Дулинъ опять принялся за счеты; оказалось, что двугривеннаго у него не хватаетъ и положили оставить его до слѣдующаго свиданія.

— Ну, такъ мы квиты съ вами, Егоръ Филипычъ, сказалъ Сухопарый, подымаясь съ мѣста.

— Квиты, квиты, Михайло Семенычъ!

— Ну, прощайте, Егоръ Филипычъ! продолжалъ первый, протягивая руку Дулину: — не поминайте лихомъ.

Дулинъ крѣпко сжалъ протянутую руку, и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Эй, останься, Михайло Семенычъ, хорошо мы съ тобой жили; ну, хоть Ѳедоръ Карлычъ и хорошій человекъ, да Нѣмецъ, да и слова-то иной разъ изъ него не выжмешь, а ты хоть и рисовалъ меня, да и язычекъ-то у тебя, того, съ пердомъ, ну, а все-таки, ну, вотъ провалиться, радъ буду, коли останешься. Эй, останься! знаешь, кормы теперь пошли дешевые, я ужь впередъ знаю, что слѣдующій мѣсяцъ и по золотушки на коня не выдеть; это теперь, тово, дорого было.

— Нѣтъ, Егоръ Филипычъ, еще разъ благодарю васъ за житье въ вашемъ эскадронѣ; я уже рѣшился ѣхать, и ѣду. Прощайте, Егоръ Филипычъ!

— Ну, Богъ тебѣ судья, хоть и сердить на тебя.... проговорилъ Дулинъ, и заключилъ Сухопараго въ свои объятія; стриженная голова послѣдняго исчезла въ бакенбардахъ и усахъ Дулина; хата огласилась поцалуями.

— Прощайте, Егоръ Филипычъ, говорилъ Сухопарый, съ трудомъ выдираясь изъ капитанскихъ объятий и вытирая себѣ лицо.

— Прощайте, прощайте, Михайло Семенычъ! продолжалъ Дулинъ, сжимая ему руку съ такой силой, что у того пальцы хруснули.

— Ухъ! вздохнулъ наконецъ Сухопарый, выходя изъ хаты и вытирая губы.

— Счастливаго пути, Михайло Семенычъ! кричалъ ему вслѣдъ Дулинъ.

— Не поминайте лихомъ, Егоръ Филипычъ! отвѣчалъ Сухопарый, направляясь къ оврагу.—Экой народецъ, думалъ на пути Сухопарый.

— Михайло Семенычъ! Михайло Семенычъ! кричалъ Кругликовъ:— да гдѣ это вы? что вы это? вѣдь намъ еще ѣхать нужно, а вы еще ни собирались. Двѣнадцатый ужь часъ!

— Прощался все съ Дулинымъ!

— Разстаться не могли! Вѣдь поздно!

— Ну ничего, не сердитесь, сказалъ Сухопарый, дѣйствительно поздно, заболтался! Лучше оставайтесь—ко почевать, а завтра и отправимся пораньше.

— Да меня дома ждать будутъ.

— Ну знаютъ, что находитесь подъ моимъ попеченіемъ, а потому ничего съ вами злаго неприключится. Пойдемъ—ко съ начала погуляемъ, погода великолѣпная, луна такъ и свѣтитъ, а потомъ и на ночлегъ.

— Дѣло, сказалъ Кругликовъ, уходя въ хату и скоро возвращаясь съ Торстенсономъ, который, молча, повиновался желанію другихъ.

Погода была дѣйствительно великолѣпная: въ воздухѣ тихо, тепло, какъ бываетъ иногда въ Молдавіи въ іюльскую ночь. Темныя хаты такъ и сверкаютъ отъ луннаго свѣта между черными группами деревъ; даже ближайшія горы видно, и ихъ луна посеребрила. Офицеры направились вонъ изъ села, на дорогу.

— Экъ лошади ржутъ, сказалъ Сухопарый:— всѣ не спокойны,

— Къ походу, сказалъ Торстенсонъ.

— А дѣйствительно, продолжалъ первый:— солдатское замѣчаніе, а справедливо.

— Лошадь чуетъ походъ, послѣ стоянки: всегда тянется черезъ изгородь и не спокойна. Видно въ путь скоро; да и давай Богъ! надоѣло даромъ стоять.

— Куда-то насъ теперь двинуть? сказалъ Кругликовъ:— хоть бы на Австрійцевъ, за Карпаты! Эхъ съ бѣлыми бы мундирами подраться! говорятъ ихъ за горами много!

— Да насъ то немного, сказалъ Сухопарый.

Скоро замолкли всѣ, и, молча, вышли на дорогу, которая извивалась въ долину. Вдали послышался топотъ и кто то горланилъ извѣстную либеральную солдатскую пѣсню:

«Вотъ житье бытъе, солдатское житье!»

Офицеры остановились на дорогѣ. Скоро изъ-за деревьевъ сверкнула каска и выѣхалъ фурштатъ, на разбитой клячѣ; на немъ была сумка черезъ плечо.

— Стой! куда ѣдешь? крикнули ему офицеры.

Лошадь фурштата бросилась въ сторону.

— Караулъ! нетронь! важныя бумаги везу! заоралъ тотъ.

— Дурень! своихъ не узналъ! куда ѣдешь? говорили ему офицеры, останавливая лошадь.

— Обознался, ваше благородіе. Изъ дивизіи въ штабъ ѣду.

— Что новаго?

— Походъ, ваше бдагородіе! выступать завтра!

— Куда?

— На Австріяцкую границу!

— Ступай!

Лошадь по прежнему поскакала разбитымъ галопомъ.

— Ну, господа, сказалъ Сухопарый: — кони вѣрно предсказали походъ, по домамъ! завтра вставать рано.

Общество направилось къ деревнѣ, толкуя о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

ВЕЗЪЯМАННЫЙ.